

Владимир Комиссар

АНГИНА

Владимир Комиссар

Ангина

«Издательские решения»

Комиссар В.

Ангина / В. Комиссар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932944-8

Сергей Родомский часто болел ангиной, знал все ее симптомы и средства лечения. Но на этот раз последствия этой простуды оказались столь странными и фантастичными, что изменили всю его судьбу. Правильнее сказать, предоставили уникальный шанс начать жизнь заново... Как же использовал это шанс главный герой? И какова природа этих необъяснимых обстоятельств? Читайте в одноименном психологическом триллере.

ISBN 978-5-44-932944-8

© Комиссар В.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВМЕСТО ПРОЛОГА	6
1	6
2	9
3	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАПИСИ ИЗ ЧЕРНОЙ ТЕТРАДИ	12
18 февраля..... (год не указан)	12
25 апреля 1978 года	16
10 октября 1978 года	21
21 августа 1979 г	28
23 августа 1980г	36
10 ноября 1982 г	44
12 марта 1986 г.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ангина

Владимир Комиссар

© Владимир Комиссар, 2018

ISBN 978-5-4493-2944-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВМЕСТО ПРОЛОГА

1

«Бецака, щеняка, ууууу! Позовите Герцена! Один осьминог, два осьминога, три осьминога....Вход в спортзал только по пропускам! Без параллелепипедов не входить!

Дружить – это дружно жить! Один енот, два енота, три енота. Щеняка, бецака, ууууу!»

Именно вот с такими бредовыми фразами, проносящимися по кругу в воспаленном мозгу, проснулся Сергей Викторович и понял, что все-таки основательно захворал. В висках давило, тело пробивал озноб, а еще было очень больно глотать. Вдобавок покоя не давал какой-то сторонний, явно уже не зарождающийся в голове, очень неприятный звук. Сергей Викторович не сразу понял, что этот звук издает будильник в его мобильном телефоне, и именно он стал причиной для тяжелого пробуждения. А значит сейчас утро. Причем утро понедельника и пора собираться отбывать трудовую повинность.

Еще вчера, в воскресенье, Сергей Викторович почувствовал в своем организме признаки зарождающейся простуды и предпринял обычные для таких случаев меры. Потеплее оделся, периодически пил горячий чай с лимоном, а на ночь принял пару противовоспалительных таблеток. Обычно это помогало, и утром он должен был встать более- менее здоровым. Но не в этот раз. Простуда явно прогрессировала.

Полежав еще минут десять, Сергей Викторович все-таки заставил себя встать и поплелся к зеркалу в ванной. М-да. Тот еще видок. Лицо припухло, глаза заплыли, торчащие во все стороны волосы, и дополняла всю эту, довольно отвратную, картину двухдневная щетина – по воскресеньям Сергей Викторович обычно не брился, давая коже, как он выражался, отдохнуть. Надо было приводить себя в порядок, но сил хватило лишь на сполоснуть лицо водой и кое-как почистить зубы. «Ничего. Потерпят меня и таким», – успокоил сам себя Сергей Викторович.

Опять начало знобить. Померял температуру – 38,6. Попробовал чем-нибудь перекусить, но в глотку ничего не лезло, да и сам процесс употребления пищи вызывал нестерпимую боль в горле. «Похоже, у меня ангина», – резюмировал свои ощущения Сергей Викторович. Он не был врачом, но с подобными симптомами, особенно в детстве, сталкивался не однократно. Завтрак составили все те же две противовоспалительные таблетки и еще одна от жара. При этом ослабленный организм внезапно воззвал к жалости к себе: « Даже чая мне никто не подаст. Остался больной и один одинешенек». Да, жена и дочь Сергея Викторовича уехали на недельку отдохнуть на горнолыжный курорт Грузии, и ему еще дня три предстояло хозяйничать самому. Ну так кто же мог предвидеть, что глава семейства так не кстати захворает.

Кое-как одевшись, Сергей Викторович вышел из квартиры и заковылял к гаражу за своей машиной. Идти было очень неприятно. Февральское утро выдалось морозным и ветреным. Путь занял минут десять-пятнадцать и сопровождался очередным приступом сетований: «Как мне надоела эта ежеутренняя дорога на работу в банк. Иду, как на каторгу, проводить по десять часов в сутки своего времени на всевозможную суету, решение проблем и выполнение всевозможных планов. Вылизываю задницы клиентам, подмахиваю начальству. И так от выходного к выходному. Пять дней в неделю выброшены на ветер еще и с отрицательными эмоциями. Мне в апреле сорок пять стукнет, а я дорос лишь до начальника отдела. Лучшие годы на ветер».

Вот и гаражный кооператив. Подойдя к своему боксу Сергей Викторович довольно долго рылся по карманам в поисках ключей от гаража, затем так же долго открывал тяжелые металлические двери, потратив на это все свои силы и наконец, плюхнулся на сидение своей «Мазды». Но тут его ждала очередная неприятность -полностью сел аккумулятор. Накануне горе-води-

тель видимо опять забыл выключить автомагнитоу. Возиться с прикуривателем сил не было, поэтому после очередной ревизии содержимого карманов был наконец-то найден мобильник и вызвано такси.

На работу, в центральный офис Донецкого филиала «Анкомбанка», Сергей Викторович опоздал минут на сорок. Едва успев снять верхнюю одежду и поздороваться с сотрудниками, пришлось сразу отвечать на назойливый звонок секретарши управляющего:

– Сергей Викторович, ну наконец-то. Вас уже третий раз Шеф спрашивает. Подымайтесь к нему скорее.

И Сергей Викторович, так и не приведя себя в порядок, поплелся к Шефу.

– Сергей, ну ты же знаешь, что сегодня не тот день, чтобы опаздывать, – встретил его упреком управляющий – Ох у тебя и вид. Заболел что ли?

– Похоже, Андрей Михайлович, у меня ангина, – подтвердил Сергей Викторович догадку Шефа.

– Этого еще не хватало! Не время сейчас болеть. Ты ж помнишь у нас на одиннадцать встреча с руководством «Гормаша». Валютные контракты, в том числе, обсуждать предстоит. Так что, иди, готовься. Я тебя приглашу, когда понадобишься.

И Сергей Викторович вернулся в свой маленький личный кабинет готовиться к предстоящей встрече с руководством крупного клиента. Температура явно не спадала, опять начался озноб, а в голову полезла очередная серия горестных мыслей: « Вот сижу тут, больной, разбитый, и должен за гроши разрабатывать схемы для этих олигархов. Они благодаря мне целые состояния экономят, а я корячусь за кусок хлеба. Так за свою жизнь ничего существенного не накопил. Да и сама жизнь состоит из сплошных серых цветов. Работа-дом-работа. Сплошная тоска. Разве я об этом мечтал в юные годы. Как бы хотелось повернуть время вспять и построить новую полноценную жизнь. Яркую и красочную».

Честно говоря, Сергей Викторович в сетованиях на свою жизнь был не совсем искренен. С работой и в материальном плане у него было совсем не плохо. Он руководил крупным отделом, считался ценным специалистом, получал неплохую зарплату, часто премии, а иногда руководство делилось дополнительными заработками. Сделал хороший ремонт и обустроил квартиру, доставшуюся от покойных родителей; купил хоть и в кредит взрослому сыну квартиру в Киеве. Десять лет ездил на довольно солидном авто « Мазда 626» и уже подумывал купить новое. На продукты питания не экономили, шмотки покупали в достатке, на досуг тоже хватало – периодически посещали рестораны, летом ездили в бюджетную заграницу. Даже раз в пару месяцев поиграть в казино мог себе позволить. Ну, не миллионер, но вполне прилично. С личной жизнью у Сергея Викторовича также вроде все сложилось. С женой практически не ссорились. Дети вполне благополучны: сын заканчивал университет, дочь – старшеклассница. Иногда возникали дополнительные связи, интимного характера, не долговременные, но вполне приятные. Не так- то все и серо. Конечно, всегда хочется чего-то лучшего, а особенно, когда твой мозг находится в изнурительной борьбе с долго непроходящей лихорадкой.

Естественно сегодняшней рабочий процесс давался Сергею Викторовичу с огромным напрягом. Он периодически принимал всякие пилюли, но температура так и не спадала, состояние озноба периодически сменялось чувством невыносимой жары, а горло закладывало все сильнее и сильнее. Тем не менее Сергею Викторовичу удавалось выполнять все возложенные на него обязанности: участвовать во встречах, изучать документы, да и в целом руководить отделом. Лишь где-то после четырех дня он понял, что трудиться сегодня он больше не в состоянии и пошел отпрашиваться к управляющему.

– Ну что ж раз заболел, иди домой отлеживаться, – согласился Шеф – Мы с тобой сегодня отлично потрудились. Руководство «Гормаша» очень довольны сегодняшней встречей. Будут наращивать объемы. Так что завтра на хандру опять времени не будет. Уж постарайся оклиматься. Ты кстати на машине?

– Нет. Аккумулятор сел, – ответил Сергей Викторович.

– Ну, так давай, я сейчас тебе свою машину дам, – предложил управляющий и тут же набрал по мобильному водителя – Игорь, отвези сейчас, пожалуйста, домой Сергея Викторовича, а за мной уже можешь не возвращаться. Я с клиентом на ужин поеду.

2

Игорь Ткаченко проработал водителем уже лет двадцать из них последних десять в «Анкомбанке», будучи личным шофером управляющего. Андрей Михайлович создал ему достаточно жесткий график работы с действительно уж ненормируемым рабочим днем, точнее, неделей. Приходилось каждое утро заезжать за Шефом домой, катать в течение дня по различным местам, а рабочий вечер заканчивался гораздо позднее, чем у других сотрудников. Нередко приходилось возить начальника или членов его семьи и в выходные дни. Конечно, Андрей Михайлович достаточно хорошо доплачивал водителю за сверхурочные выезды, но Игорю это казалось мало, и он очень часто использовал служебное авто для дополнительного заработка – «таксовал на бордюре». Научился выкраивать для этого часик другой даже в рабочее время. Расход бензина никто не контролировал, да и банковский автомобиль, «фольцваген-пассат» представительского класса, хранился в гараже его дома, то есть всегда под рукой.

Задание отвезти домой Сергея Викторовича Игорь воспринял с явным удовольствием. Во-первых, не надо будет допоздна возить Шефа по различным заведениям, ну и во-вторых, можно будет несколько часов «потаксовать», тем более, что начинался снегопад и у людей вполне вероятно скорым временем могут возникнуть проблемы с транспортом. Игорь быстро одевшись, уселся в свое авто и стал с нетерпением дожидаться начальника отдела.

Сергей Викторович долго не заставил себя ждать и вскоре также сел на сидение рядом с водителем. Похоже, несмотря на холодную погоду, ему было очень жарко.

– Игорь, сделай, пожалуйста, печку чуть тише, – попросил он водителя – очень натоплено у тебя.

– Ну, ты даешь, Викторович, – удивленно ответил Игорь – в салоне и так двенадцать градусов. А если совсем обогрев отключить, стекла потеть будут. Ты лучше куртку свою сними.

Сергей Викторович так и сделал- разделся и бросил куртку на заднее сидение. Машина тронулась.

– Слушай, я, кажется, ключи от квартиры в гараже оставил, когда там карманы выворачивал, – вдруг спохватился Сергей Викторович – заведи меня в мой гараж, пожалуйста.

Игорь недовольно поморщился. Он рассчитывал справиться с заданием за пятнадцать минут, а тут еще поездки по гаражам добавляются.

– Да ты не волнуйся, – тут же успокоил его Сергей Викторович – ты меня напротив гаражей на Красногвардейском шоссе высади, а дальше я уже сам справлюсь. Мне оттуда домой минут десять пешком. Дойду как-нибудь.

Это предложение Игоря вполне устроило, и спустя некоторое время он высадил Сергея Викторовича на указанном месте. Затем включил погромче музыку, быстро тронулся и помчался ловить удачу по вечернему городу.

Удача улыбнулась уже на следующем перекрестке. Пожилой мужчина с большим чемоданом остановил машину и попросил довезти его на вокзал. Да, пожалуйста! На вокзале к Игорю сразу же подседа молодая пара, стремящаяся попасть в центр города. В чем проблема? Поехали! В общем, вечер обещал быть денежными. В районе площади Ленина Игорь решил чуть постоять и перекурить. Взяв в руки телефон, он заметил несколько пропущенных звонков от Сергея Викторовича, причем зафиксированных около часа назад. Игорь тут же стал перебирать коллегу, но мобильник последнего был отключен. «Наверно, спать лег уже» – подумал водитель и перестал названивать. Но тут в глаза ему бросилась лежащая на заднем сидении куртка Сергея Викторовича. «Как же он в такую погоду без куртки домой пошел. Наверное, потому-то и звонить сразу стал, – понял Игорь – надо бы сейчас же ему куртку домой завести». И водитель тронулся с места, направляя машину к месту жительства Сергея Викторовича.

Но, не успев проехать и один квартал, Игорь заметил голосующего под неоновой вывеской «Третьего Рима» мужчину. Лет пятидесяти, сутулый, в дорогом костюме, без верхней одежды, в руках небольшой полиэтиленовый пакет – такие сделал про себя наблюдения водитель, останавливая перед незнакомцем машину и задавая привычный вопрос:

– Куда Вам ехать надо?

Мужчина молчал и пристально смотрел на Игоря, как будто что-то вспоминая.

– Так, куда Вас отвезти, уважаемый? – повторил свой вопрос водитель.

– В аэропорт, пожалуйста, – с едва заметным акцентом наконец-то ответил незнакомец и осторожно сел на сидение рядом с водителем.

Тронулись. Клиента явно знобило. Игорь сделал посильнее обогрев салона, но особого эффекта это не произвело – незнакомец по-прежнему постукивал зубами от холода.

– Там на заднем сидении куртка лежит. Можете набросить ее на себя, – посоветовал водитель незнакомцу.

Мужчина так и поступил. Молча надел на себя куртку Сергея Викторовича.

– На Университетской сейчас пробка. Не возражаете, если я срежу через Засядько? – опять обратился к незнакомцу водитель. Тот только кивнул в ответ, пристально вглядываясь в его лицо.

«Странный он какой-то, – подумал Игорь – чокнутый, что ли? Но раз иностранец деньги должны водиться, а значит, пару сотен гривен смогу с него срубить. А может больше запросить?»

Но водитель так и не успел завершить свои мечтания. Выезжая со второстепенной дороги он не заметил мчащийся с правой стороны, на большой скорости КАМАЗ. Этот КАМАЗ с силой ударил в бок его фольцваген и буквально вдавил в растущее на обочине дерево передний салон автомобиля.

«Как же мне не повезло, – пришла Игорю очередная мысль – теперь иностранец мне точно ничего не заплатит. Хотя какой он иностранец? Я понял кто это. Это же...»

Но с очередной каплей крови из тела Игоря ушла жизнь, поэтому и эта его мысль осталась без завершения. Последняя мысль.

Минут через десять к месту ДТП подъехали вызванные водителем КАМАЗА машина скорой помощи и машина ГАИ с двумя инспекторами. Водитель фольцвагена и его пассажир были не без труда извлечены из полностью искаженного автомобиля. Дежурный врач скорой помощи уверенно констатировал смерть обоих пострадавших. После выполнения всех юридических процедур их тела были погружены в «скорую» и отправлены в морг, а все вещи из разбитой машины были перегружены в автомобиль ГАИ. Один из инспекторов, старший по должности и в чине капитана милиции поехал вместе с машиной скорой помощи в морг для организации идентификации пострадавших, оставив своего коллегу с пагонами сержанта дожидаться эвакуатор.

3

Сергей Викторович быстро выбрался из автомобиля, стараясь побыстрее забрать ключи из гаража и отправиться домой, спать. На повороте к кооперативу его резко обдул поток холодного ветра, и только сейчас он обратил внимание, что оставил в машине свою теплую куртку. Холод – это еще было пол беды, тем более, что разгоряченный лихорадкой организм его практически не ощущал. Но в карманах куртки остались ключи от гаража, от машины, да еще и бумажник со всеми документами. Благо мобильный телефон Сергей Викторович нащупал на его обычном месте – в специальной сумочке на ремне.

«Как же мне не везет сегодня, – опять пожаловался про себя Сергей Викторович. – Весь день как в угаре. Ладно, придется возвращать назад Игоря».

Мобильник водителя не отвечал. Это было очень прискорбно. Запасные ключи от квартиры хранились еще у тещи, но ведь до нее нужно было еще добратся в другой конец города. Ситуация – дрянь.

Стало быстро темнеть. Торчать дальше у гаражей смысла не было, и Сергей Викторович не спеша поплелся в сторону шоссе, еще полностью не решив, что же делать дальше. Внезапно у него закружилась голова, и от резко накотившей слабости он присел прямо на кучу слежавшегося снега. Глаза сами закрылись, и Сергей Викторович на несколько минут погрузился в сладкую полудрему. Ветер полностью утих, и хотя место непредвиденного привала было сырым и холодным, сидеть было достаточно приятно. Накатила волна полного безразличия и, можно сказать, даже умиротворения.

Сколько находился в такой забывчивости, Сергей Викторович, сказать трудно. Наверное, минут десять – пятнадцать. Затем открыв глаза, уже собрался было подниматься, чтобы продолжить свой путь. Но вначале он приложил ладонь на лоб, пытаясь определить наличие жара. Вроде по-прежнему лоб горячий. Сергей Викторович стал медленно опускать ладонь вниз по лицу, проведя ею по глазам, щекам и, наконец, подбородку.

Внезапно рука сама отдернулась от лица, как будто пораженная электрическим разрядом. Сердце учащенно забились, в душу внезапно закралась тревога. Что-то было не так! Произошли какие-то изменения, причем столь нелогичные, что их трудно было сразу воспринять. Мозг еще не донес до сознания причину охватившей организм паники, но он уже настойчиво давал импульсы по всему телу, заставляя разобраться в происходящем. Сергей Викторович повторно провел ладонью по лицу. Открытие тут же обрело словесную оболочку. Оно было необъяснимым, нелепым, но все же вполне реальным ощущением.....

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАПИСИ ИЗ ЧЕРНОЙ ТЕТРАДИ

18 февраля..... (год не указан)

Я раньше никогда не вел дневник, но эти безумные события последней недели заставили меня взяться за перо, чтобы оставить на бумаге хоть какой-то след происходящему. Вся неделя прошла для меня как в бреду и отнюдь не из-за настигшей меня простуды. Каждое утро, просыпаясь, я рассчитывал, что все пережитое за прошедший день было, все-таки сном и моя жизнь вернулась на круги своя, но наступивший день меня снова в этом разочаровывал. В конце концов, мне пришлось смириться с происходящим. Оно было нереальным, фантастичным, но для меня абсолютно явным.

Дневник вести я не стал, но решил периодически фиксировать все события в специально купленной для этой цели общей черной тетради.

Итак, с чего же все началось? Наверное, с моих ощущений вблизи гаражного кооператива, где я очутился чтобы забрать забытые ключи, и когда я осознал очередную свою оплошность – я оставил еще и свою куртку теперь уже в быстро умчавшемся банковском автомобиле.

Начинаю с них.

Стало быстро темнеть. Торчать дальше у гаражей смысла не было, и я не спеша поплелся в сторону шоссе. Внезапно у меня закружилась голова, и от накатившей слабости я присел прямо на кучу слежавшегося снега. Глаза сами закрылись, и я на несколько минут погрузился в сладкую полудрему. Ветер полностью утих, и хотя место непредвиденного привала было сырым и холодным, сидеть было достаточно приятно. Накатила волна полного безразличия и, можно сказать, даже умиротворения.

Сколько времени находился я в таком забытьи, сказать трудно. Наверное, минут десять – пятнадцать. Затем открыв глаза, уже собрался было подниматься, чтобы продолжить свой путь. Но вначале я приложил ладонь на лоб, пытаюсь определить наличие жара. Вроде по-прежнему лоб горячий. В задумчивости я стал медленно опускать ладонь вниз по лицу, проведя ею по глазам, щекам и, наконец, подбородку.

Внезапно рука сама отдернулась от лица, как будто пораженная электрическим разрядом. Сердце учащенно забились, в душу внезапно закралась тревога. Что-то было не так! Произошли какие-то изменения, причем столь нелогичные, что их трудно было сразу воспринять. Мозг еще не донес до сознания причину охватившей организм паники, но он уже настойчиво давал импульсы по всему телу, заставляя разобраться в происходящем. Я повторно провел ладонью по лицу. Открытие тут же обрело словесную оболочку. Оно было необъяснимым, нелепым, но все же вполне реальным ощущением. **На моем лице отсутствовала трехдневная щетина.** Щеки были гладкими и нежными, как у ребенка.

Я быстро вскочил, продолжая ощупывать теперь уже все тело. Что-то было не так с костюмом, на поясе отсутствовала сумочка с мобильным телефоном, содержимое карманов также было непонятным. А еще я нащупал на шее под воротником рубашки, завязанный узлом, кусок шелковой ткани, уходящей вниз под пиджак. И мой мозг спустя несколько секунд выдал определение этой детали гардероба. **Пионерский галстук.**

«Похоже, у меня начался бред» – такой я поставил диагноз своим ощущениям. Но бороться с ними, не было ни времени, ни сил, и я заставил себя пойти в направлении дома. Только теперь я перестал узнавать дорогу. Вроде та же улица, вдаль просматривается шоссе, но все вокруг меня изменилось и стало непривычным. Я перешел шоссе, обратив внимание на нетипичное для этого времени суток отсутствие потока машин и подвергся следующему неприятному открытию. **На другой стороне улицы отсутствовал мой многоэтажный**

жилой комплекс. На его месте, за старым зданием бассейна ДОСАФ, виднелся заснеженный участок пустыря.

Я с родителями переехал в новую, свою настоящую, квартиру лет тридцать назад, когда многоэтажки только построили. До этого на месте новостроек было огромное футбольное поле, где мы мальчишками иногда играли в футбол, и заросли дикого кустарника. И вот теперь к этим зарослям я подходил. «Похоже, от страшного жара я теряю рассудок», – с этой мыслью я снова присел куда попало, пытаюсь прийти в себя. Не пришел. И какая-то неведомая сила поставила меня на ноги и заставила опять идти. Наверное, у меня включился инстинкт самосохранения и еще что-то непонятое, находящееся вне области сознания.

Как и куда шел, помню очень плохо. Двигался как сомнамбула, как во сне. Но в результате оказался у пятиэтажки напротив Калининского рынка, в доме, где родился и провел свое детство. Опять же бессознательно поднялся на пятый этаж, а в дверях квартиры меня уже встречала моя **мама**. Молодая, красивая, но вся в слезах и с горестным укором в голосе:

– Сынок, ты, где был все это время? Мы с отцом уже в школу сбегали, всех одноклассников твоих обзвонили. Уже в милицию собирались обращаться. Что с тобой?

Я, ничего не отвечая, прошел в квартиру, плюхнулся на диван в комнате и потерял сознание.

Когда я очнулся, в комнате было достаточно темно. Где-то по соседству раздавались приглушенные голоса, чувствовался запах жареной картошки с луком и еще чего-то непонятного, уксуса или нашатыря. В полумраке я пытался определить, где нахожусь – не получалось. Я присел в постели и ненароком зацепил стоящий рядом на табурете стакан. Тот с шумом упал на пол, голоса тут же затихли, и я услышал быстро приближающиеся шаги. Включился свет. На меня смотрела женщина примерно моего возраста с заплывшими от слез глазами. Что-то в ее чертах было до боли знакомо, невероятно знакомо. Сомнения тут же улетучились, когда она заговорила:

– Сынок, наконец-то ты проснулся. Ты спал целые сутки. У тебя фебрикулярная ангина. Температура за сорок была. Пришлось вызывать скорую и делать укол. Хотели даже в больницу забрать, но я не позволила. Всю ночь тебя уксусом протирала и капустный лист прикладывала. Я же говорила тебе – не бегай на улице в футбол. У тебя же больное горло.

В комнату зашел не менее знакомый мне мужчина. Его вопрос так же расставил все точки над «и»:

– Как ты себя чувствуешь, Сергей?

Да, это были мои родители. Но ведь они умерли давно. Мать где-то пятнадцать, а отец лет десять назад. Как я себя могу чувствовать, если я брежу и никак не могу проснуться? Я закрыл глаза и откинулся на кровать. Память полностью вернулась ко мне, причем с учетом всех событий вчерашнего дня. А еще запах жареной картошки вызвал у меня чувство голода. Разве, когда спишь, может хотеться есть?

– Вроде нормально, – все же ответил я, не узнавая свой, ставший высоким, голос. Затем медленно встал и пошел на кухню. Расположение комнат и вся обстановка этой маленькой квартирке также отчетливо всплыли в моей памяти, хотя и прошло уже более тридцати лет.

В горле по-прежнему болело, но уже не так как вчера, да и жар значительно спал. Но теперь я стал ощущать изменения в пропорциях своего тела. Исчез мой «пивной» живот, руки стали тонкими, да и сам я значительно потерял в росте. А еще на теле не было никакой растительности – вторичных половых признаков, как выразился бы врач. Я подошел к зеркалу в прихожей. На меня смотрел десятилетний мальчик. От этого зрелища опять закружилась голова, и я чуть не потерял сознание. Упасть мне не дала моя мать. Она поддержала меня и со словами, – Сынок, ты очень обессилен. Тебе надо поесть.– отвела на кухню. Моя мать была невысокой женщиной, метр пятьдесят четыре, может, метр пятьдесят пять, но сейчас я ей приходился как раз по плечу.

Я основательно поел, выпил чай, проглотил предложенные матерью пилюли и опять отправился спать, «Думаю, до завтра я все-таки поправлюсь и эти бредовые видения покинут мою больную голову», – дал я себе установку перед сном.

Практически поправился. Но «видения» не прекратились. На следующее утро я опять проснулся в своей «детской постели» в маленькой квартирке на пятом этаже. Похоже, дома больше никого не было. Я быстро встал и стал обследовать свое место «нового» обитания. На меня нахлынул поток воспоминаний более чем тридцатилетней давности. Мебель, вещи, кухонная утварь, все казалось до боли знакомым. На моем письменном столе были стопкой сложены учебники за третий класс, рядом лежало несколько школьных тетрадей и цветные карандаши. Под столом я обнаружил картонный ящик с игрушками: пластмассовые солдатики, машинки, разобранный конструктор, настольный футбол и многое другое.

«Похоже, вернулось время, когда мне опять предстоит играть в солдатики, – с недоумением подумал я – Сплю я все-таки, или нет? Ведь жар вроде бы спал»

Тут открылась входная дверь и зашла, нагруженная сумками, мама.

– О, Сережа, ты уже встал? Как ты себя чувствуешь? Я тебе вкуснятинок разных накупила.

– Хорошо, – только и смог выдавить я, опять не узнавая свой голос.

– Ну, давай ка померяем температуры, выпьем таблетки и пойдем завтракать, – приказала мама.

Я послушался. Градусник показал тридцать шесть и две. Да, чувствовал я себя значительно лучше, горло практически не болело, лишь небольшая слабость. Вот только к своему телу я еще совершенно не привык.

– Ты уже идешь на поправку, – продолжала мама – но у тебя упадок сил и надо побольше кушать, чтоб выздороветь окончательно.– Затем внимательно присмотревшись ко мне почти шепотом добавила:

– Вот только глаза твои мне не нравятся. Какие-то грустные очень. И взгляд странный-какой-то. Отрешенный. Недетский.

«Эх, мама-мама! Да как же у меня будет детский взгляд, если я сейчас на несколько лет старше вас с папой». Эту фразу я, конечно, не произнес, но ведь было действительно так. Или это все же мое безумие?

Этот вопрос я решал все следующие дни. Находился все время дома. Ел мамину пищу, смотрел два канала черно-белого телевизора, просматривал книги нашей скромной домашней библиотеки, или попросту валялся в постели. В общем «болел», как и положено ребенку. На вопросы родителей отвечал очень кратко, разговоры практически не поддерживал. Да и как их можно было вести, ведь для родителей я был десятилетним мальчиком, а родители для меня лишь персонажами из упорного сновидения.

Вот только этим персонажам мне приходилось безропотно подчиняться, причем в самых мелочах. «Сережа, пополоскай, горло! Сынок, помой руки и иди есть борщ, я уже налила. Сними эту рубаху и одень свитер» – постоянно звучали подобные указания. И это мне – сорокапятилетнему мужику, уже давно привыкшему самому командовать всеми бытовыми вопросами. Каждое проявление подобной «заботы» как наждачной бумагой проходило по моим нервам. Но я терпел, ведь бесполезно противиться сну. Хорошо хоть, что я к тому моменту я уже самостоятельно мылся и ванну принимал. А то мне процедуры подмывания еще вдобавок не хватало!..

Как-то я чисто механически вымыл за собой тарелку и протер обеденный стол, так у моей «мамы» (пищу пока в кавычках) чуть глаза из орбит не вылезли.

– Что ты делаешь? – изумленно воскликнула она – Я сама все тщательно сделаю.

И это вместо того, чтобы признать меня взрослым и «разрешить» соответствующие привилегии. Ну и не надо! Убирайте тогда за мной сами.

Только вчера мои родители «отпустили» меня выйти из дома. Я попросил у них деньги, чтобы купить канцелярские принадлежности. Я уже не помнил, сколько стоит общая тетрадь, так срочно понадобившаяся мне. Дали рубль. Хватило.

Свой микрорайон я не узнавал. Не правильно. Я его узнавал постепенно, вспоминая, каким он был тридцать пять лет назад. Вот мой дворик детства. Площадка для сушки белья, агитплощадка со сценой и лавочками, бетонная ракета, недавно засыпанный землей бассейн. А вот через дорогу идет стройка. Сооружают магазинчики нового Калининского рынка. Чуть пройдя дальше по этой дороге можно попасть в мою родную восьмилетнюю школу №16. Но до нее я не дошел. Впечатлений хватило с лихвой. От этой удивительной прогулки по местам моего детства у меня опять закружилась голова, и, чтобы не потерять сознание, я быстро вернулся домой.

Так что же случилось со мной? Если я до сих пор сплю или нахожусь в бреду, почему же такой явный и длительный этот бред. А еще в этом сне я засыпаю и просыпаюсь. Сон во сне, по-моему, это нонсенс.

Может я сошел с ума? Тогда почему я рационально мыслю? Читаю, пишу, решаю задачи, воспринимаю новости и подвергаюсь воспоминаниям. Если это сумасшествие, то уж очень яркое и никак не отличимое от реальной жизни. Правда, я где-то читал, что ни один сумасшедший не считает себя сумасшедшим.

А может я умер от ангины, сидя на той снежной куче возле гаражей? И моя душа переселилась в другого человека? Но ведь тот другой – это тот же я, только ровно на тридцать пять лет моложе. Какая у нас в мире самая распространенная теория о реинкарнациях? Индуизм? Но согласно ему моя душа должна была переселиться в таракашку-букашку, собачку-кошечку, или растение, вроде баобаба. В лучшем случае опять в человека, но никак не в себя самого. Иные предположения нигде не описаны. Да еще, вдобавок, у меня сохранилась полная память о моей прошлой жизни.

Мои размышления заводят меня в тупик.

25 апреля 1978 года

Сегодня мне должно было бы исполниться сорок пять лет. Почему только «должно было бы», ведь я еще не умер? Да потому, что в соответствии с написанной выше датой мне сегодня исполняется только десять. Для доказательства, что сегодня именно указанная дата я приклеил к моей тетради соответствующий листочек отрывного настенного календаря. И к мысли, что я опять стал участником событий тридцати пятилетней давности, я стал постепенно привыкать. Вот только как же это все-таки произошло, для меня по-прежнему остается загадкой.

Я в свое время несколько лет довольно серьезно изучал философию: сначала в институте, затем в аспирантуре. Вспоминаю теорию субъективного индивидуализма с ее различными направлениями: конструктивизм, солипсизм, сенсуализм. Особенно мне запомнился иматериализм Джорджа Беркли. Так вот. Этот философ исходил из той простой аксиомы, что все наши восприятия суть состояния нашего духа, наши идеи. И эти идеи не могут существовать нигде, кроме воспринимающего их духа. Всеми признано, рассуждал Беркли, что так называемые вторичные качества – цвет и звук, вкус и запах, тепло и холод – не имеют объективного существования вне нашего духа. Таким образом, материального мира на самом деле не существует, все события происходят исключительно в рамках нашего сознания. Все чем мы дышим, питаемся, видим, осязаем – это лишь продукты нашего сознания. Погасло сознание – исчез материальный мир. Поэтому, коль мое сознание, каким то образом перенеслось в 1978, нет ничего удивительного, что там же оказался и мой материальный мир. Вот только не понятно, почему память моя обрела обратное направление – я, например, прекрасно помню, как встречал новый 2013 год, но абсолютно не помню встречу 1978.

А еще у меня возникла другая теория. Может я никогда и не перешагивал рубеж 2013? Может ангина, перенесенная мною, десятилетним мальчиком, дала мощнейший стресс моему мозгу и его ячейки заполнились воспоминаниями и переживаниями, коих никогда не было и которые вытеснили на второй план реально произошедшие события. Причем страшный жар втиснул в мое сознание не только «будущие воспоминания», он наградил меня целым комплексом знаний, умений и бытовых навыков. То есть десятилетний мальчик, оставаясь в своем детском теле, приобрел умственные способности присущие взрослому мужчине. Вот только мне от этого стало жить значительно труднее.

Время моей болезни закончилось, и я в конце февраля пошел в школу. Что здесь страшного? А кто бы смог представить сорокапятилетнего мужика сидящего за партой в третьем классе. Как взрослый мужчина я, конечно, не выглядел, но ведь мое сознание воспринимало все именно так. Я «учился» делить в столбик, заучивал правила правописания, типа «стеклянный, деревянный, оловянный», читал «увлекательные» рассказы о Красной Армии. А еще, на уроках пения, сложив руки на коленях, участвовал в хоровых потугах на тему: «А в марте нет гвоздики, сирени не достать. Но можно на листочке цветы нарисовать».

А чего стоили регулярно проводимые пионерские линейки, когда всей школой мы выстраивались в фойе на первом этаже и по команде отдавали «салют» и выкрикивали «безумные» фразы, типа: «Мы красные галстуки звездам повяжем и солнцу салют отдадим». Каково?

Мне сразу вспомнился недавно просмотренный мною фильм-сказка «Любовь – морковь», когда герои Гоши Куценко и Кристины Орбакайте переселились в тела своих десятилетних детей. И вот примерно такие же эмоции изображал, участвующий в школьном хоре мальчик, являющийся на самом деле сорокалетним мужиком. Но ведь то был лишь фильм, да и маразма с пионерским обрядом не было.

Но отсиживание на уроках и участие в обязательных мероприятиях это были еще полбеды. Случались еще перемены, на которых мои «сверстники» дразнились, плевались из тру-

бочек, гонялись друг за другом, устраивали ребячьи потасовки. И во все это постоянно пытались вовлечь меня. И как мне оставалось себя вести? Ведь играть в детские игры мне абсолютно не хотелось. Я стал всех избегать, и при каждой попытке кого-либо, пойти со мной на контакт, сразу же ретировался.

Уже через две недели такая «школьная жизнь» стала для меня сущим адом. Я решил опять «заболеть». Воспользовался проверенным студенческим способом. Купил в аптеке еще один градусник, нагрел его на радиаторе отопления до нужной температуры и припрятал. Вечером пожаловался матери на боль в горле и общее недомогание. Естественно мне сразу был выдан градусник с предложением померять температуру. Я засунул «мамин» градусник под мышку, а когда его вынимал, незаметно поменял на свой, заранее подготовленный. 38,2. А значит, я действительно простудился. Такая температура у меня «держалось» всю неделю. Затем еще неделю я не ходил в школу из-за «упадка сил».

Находиться дома было значительно легче, но все равно безрадостно. Это был далеко не тот досуг, каким я предавался в выходные от работы дни. Ни спутникового телевидения, ни интернета, ни огромного ассортимента детективных романов. Не говоря уже о полном отсутствии гастрономического изобилия. Но это уже отдельная «песня»

У себя «дома» мы никогда не экономили на продуктах питания. Можно сказать большее, вели себя по-росточительски. Каждый покупал, что хотел и в количествах, какие сам для себя посчитает нужным. Икра, всевозможные колбасы, экзотические овощи и фрукты – всего было в изобилии. Сейчас же я опять вернулся к временам, когда даже на еде приходилось экономить или по крайней мере рассчитывать. Нет мои родители не были совсем уж бедными, просто так жило большинство советских людей. Поэтому свежее мясо и колбасы – не каждый день, шоколадные конфеты – только по праздникам, ну а об многих продуктах здесь уж действительно только упоминалось. Ну и дополняло столь нерадостную для меня картину полное отсутствие бывшего ассортимента. И где же вы мои «Ашаны», «Амсторы» или «Метро»?

Ну а о том, чтобы пропустить пару баночек пива или стаканчик виски, даже и речи быть не могло. В чем я находил для себя, более-менее приятное развлечение так это в длительных пеших прогулках, тем более, что начиналась весна. Слонялся без дела по разным частям родного города, предавался воспоминаниям, фиксировал изменения. Правда и это приходилось осуществлять втайне – родители тогда еще не позволяли мне далеко удаляться от своего дома.

Кстати о пиве и виски. Однажды мне очень захотелось выпить, ведь в «прошлой жизни» я трезвенником никогда не был. Казалось бы очень простая задача. Но не для десятилетнего мальчика в семьдесят восьмом году. Но я ее выполнил, предварительно сэкономив пару рублей на школьных обедах. За спиртным я пошел в магазин, расположенный подальше от своего микрорайона, заранее обдумав разговор с продавцом.

– Тетенька, продайте мне, пожалуйста, две бутылки пива, – обратился я к продавцу, сделав очень несчастную физиономию.

Полная женщина, лет сорока, стоявшая за стойкой в бакалее, удивленно ответила:

– Мальчик, да тебе еще квас то рановато пить будет.

Я пустил слезу и жалобным голосом продолжил:

– У папы опять сильное похмелье. Он уже перебил всю посуду. Мама не может его оставить одного. Если ему сейчас не купить пиво, он будет опять маму бить. И мне достанется.

Теперь расчувствовалась уже продавщица:

– Так может твоей маме обратиться к участковому?

– Прошлый раз обращалась, – продолжал врать я. – Папа потом очень разозлился и поставил маме синяк под глазом.

– Да, ничего хорошего из этого не выйдет, – согласилась продавец, отпуская мне все-таки две бутылки «жигулевского».

Из магазина я выходил под сочувствующие взгляды случайных свидетелей. Моя ложь была довольно типичной ситуацией на поселке, где располагался магазин. Стыдно ли мне было? Вряд ли. Ведь я находился в пока еще чужом для меня мире и должен был приспособиться к нему. Единственно, о чем жалел, что не купил три или, даже, четыре бутылки. Но мог быть перебор. Для снятия похмелья двух вполне достаточно, это я прекрасно понимал, как в прочем, и продавец. Поэтому заприси я больше, мог бы пойматься на лжи. Большее количество столь желанного напитка – это уже застолье. Пусть будут две.

Уже в своем магазине я купил копченую селедку за тридцать копеек и пошел домой, предвкушая это вот предстоящее «застолье». Сейчас около часу дня, родители придут с работы в районе семи, а значит у меня еще достаточно времени.

Вкус пива оказался приятным и до боли знакомым. Меня сразу окатила волна различных ассоциаций. Я всегда был любителем этого напитка. Пил его в любую пору, во всевозможных заведениях, в различных компаниях и большом количестве. Предаваясь приятным воспоминаниям, я не сразу понял, что охмелел после первой же бутылки. Ну, а выпив вторую, я осознал, что меня основательно развезло. Надо было сразу сообразить, что для моего детского организма две бутылки пива могут оказаться излишними. У меня едва хватило сил скрыть до прихода родителей следы своего nepозволительного времяпровождения.

Еще мне очень не хватает общения. «Сверстники» меня раздражают, от них я дистанцировался. Для зрелых людей я всего лишь малолетка и, чтобы с ними контактировать на равных надо еще подтвердить свой настоящий уровень развития. А стоит ли это делать, большой вопрос. Потому я не могу нормально общаться и со своими родителями. Сказать им всю правду? Так я ее и сам не знаю, а делиться догадками пока не готов. Вот и сводятся наше общение к чисто бытовым разговорам, с добавлением моего опасения, не сказать, чего лишнего. Стараюсь сильно не выходить за рамки развития третьеклассника, одним словом. Ну и опять же безропотно выполняю все их указания и наставления.

И вообще, я не могу разобраться, какое я чувство испытываю к «внезапно воскресшим» родителям. Горечь утраты давно залечило время. Да, я часто ходил на кладбище, просматривал старые фотографии, воспоминания о них всегда были наполнены любви. Но это уже была любовь к памяти. Она приятна и логична. Теперь я вижу вполне материальных дорогих мне людей. Как и прежде они совершают поступки, разговаривают, смеются, переживают. Точно также, как и во времена моего детства. Вот только реальность всего этого вызывает у меня сомнения, а эти сомнения мешают проявиться любви.

А еще у меня возник вопрос, могу ли я продлить жизнь своим родителям. Я знаю, что мама умерла из-за поликистоза – отказали почки, а у отца внезапно произошел инфаркт. Если им сейчас заняться соответствующей профилактикой, может, удастся избежать их трагического конца, или, по крайней мере, отсрочить его? Но чтобы дать ответ на него, я должен вначале получить подтверждение, что мои знания о будущем не являются пустой иллюзией, занесенной в мое сознание. Для этого достаточно убедиться, что хотя бы одно из событий, о которых знает моя память, произойдет. И время совершения этого события я также должен установить достаточно точно.

Таких событий я знаю, или думаю, что знаю массу. Поочередная смерть трех советских вождей, перестройка, развал СССР, война в Ираке, Югославия, Чечня, дефолт., выборы президентов Украины и многое, многое другое всплывало в моей памяти. Но это должно случиться чуть позднее, а мне надо получить подтверждение сейчас. Я не мог ничего вспомнить, что могло бы произойти в ближайшие недели-месяцы. Во-первых, прошло тридцать пять лет и память, естественно, притупилась, во-вторых десятилетний мальчик не очень то и вдавался в новости о жизни страны и мировой арены, ну и в-третьих сами-то новости не представляли особый интерес – «время застоя» все-таки. Московская олимпиада, ввод войск в Афганистан,

убийство Эльриха Пальме – тоже не то. Может попробовать найти, что-либо менее значительное? Какой-нибудь случай из моего личного окружения?

Я лихорадочно напрягал память, и все-таки победил. Об искомом событии я «вспомнил» буквально за неделю до предполагаемого срока его наступления. Суть его в следующем. Накануне дня рождения Ленина по всей стране проводились субботники: уборки помещений, благоустройство территории и прочая немотивированная оплатой работа. В субботниках принимали участия и мы, школьники. Следующее такое мероприятие должно произойти в ближайшую субботу. Помню, мы подметали школьный двор, выносили сухие ветки, красили известью бордюры. А одна девочка из нашего класса, звали ее Аня Попович, резвясь, прыгала через бордюр. Затем оступилась и сломала ногу, буквально у меня на глазах. В моей памяти надежно застыла нелюбимая картина – лежащая на земле и зовущая на помощь девочка с неестественно вывернутой ногой. Потом, «скорая», носилки, всеобщий переполох. Да, это точно был третий класс: на Ане я отчетливо вижу пионерский галстук, и очень волнуется наша учительница младших классов, Вера Андреевна.

Спустя пять дней так и произошло. Аня на субботнике сломала ногу. Но уже не на моих глазах. Чтобы не повлиять случайно на ход событий, я, сказавшись больным, на субботник не пошел. Вечером я позвонил своему школьному товарищу, и тот, вздохнув, поведал мне о случившемся. Пусть это был отнюдь не знаменательный случай, но теперь я точно знал – у меня нет «иллюзии будущего».

На следующий день я решился все-таки поговорить с родителями об их возможных проблемах со здоровьем. Моя речь вышла несвязанной, неубедительной и противоречивой. Что-то вроде: «я вычитал», «мне рассказали», «вот такие симптомы». На конкретные вопросы я ответить не сумел. А ночью я подслушал тихий разговор моих родителей.

– Ты заметил, каким странным стал наш сын? – это шепотом задавала вопрос моя мама.

– Да, очень странным, – так же шепотом подтвердил отец.

– Он практически не разговаривает с нами, ничего не рассказывает, перестал веселиться, не играет с детьми, замкнулся в себе, одним словом. И взгляд какой-то тревожный, беспокойный.

– Во дворе я его практически видеть перестал, – принял эстафету отец, – то я его постоянно из луж вынимал, с деревьев снимал, а сейчас просто ходит где-то сам по себе.

– А сегодняшний разговор меня вообще убил, на прочь, – продолжила мать. – Думаю надо его к психиатру сводить. Что-то переживаю я очень.

– Ну, психиатр, думаю пока ни к чему, – теперь отец возразил. – Учится то он хорошо. Читает много. Давай понаблюдаем пока за ним повнимательней.

– Хорошо, – согласилась мама.

Вот так. У меня появился риск попасть в психушку. Надо быть поосторожнее в высказываниях. Но зато я точно знал, что мой, тот иной, тридцатипятилетний жизненный опыт не является плодом больного воображения. И используя его, я, может быть, смогу координальным образом поменять свою дальнейшую жизнь. Сделать ее более качественной и впечатляющей. Прославиться, разбогатеть, объездить весь мир, приобрести массу интересных знакомств. Да даже представить себе трудно, чего можно достичь, зная будущее. Похоже, у меня появился уникальный шанс прожить жизнь заново, и надо было решить, какие предпринять действия, чтобы его не упустить. Красочно и весело.

Я взял несколько чистых листов бумаги, отразил на них множество дат, соответствующих важным событиям «будущего» и стал пытаться разработать различные модели поведения, чтобы максимально использовать свои «прогнозы». Получалось мало. Ну, знаю я, например, что эпоха «построения развитого социализма» скоро закончится, умрут и коммунистические ценности. Мы станем жить в условиях рыночной экономики. Но как эти мои познание использовать себе на благо? Трудный вопрос.

Или другой пример «важных» дат из моего списка. Октябрь 1983 – война за Мальвинские острова, апрель 1986 – авария на Чернобыле, март 1989 – гражданская война в Ливии, декабрь 1989 – демонтаж Берлинской стены. Подобных событий я записал более сотни. Но чем они мне могут быть полезны сейчас? Ну, разве, что провозгласить себя великим провидцем. Но это, опять-таки, психушка. Хотя в данный момент Нострадамус мне и в подметки не годится.

Я знаю, какие будут достижения научно технического прогресса. Компьютеры, интернет, мобильные телефоны, многообразие электроники и бытовой техники, новейшие технологии. Но я не разбираюсь достаточно в сути и строении всего этого. Не могу воссоздать ни единую схему и даже деталь. Как не могу положить на ноты до сих пор звучащую в голове популярную мелодию 2010-х, как не могу изложить на бумаге прочитанные в «той жизни» бетселлеры. Я не ученый, не писатель и не программист. Я всего лишь банковский клерк. Да, я приблизительно помню курсовые колебания по отдельным валютам, произошедшие за последние лет двадцать. Может, этими познаниями я позднее воспользуюсь. Но что делать сейчас? Над этой дилеммой я просидел последние три дня, но пока ответа не нашел.

Ладно, время еще есть. Ну а сейчас скоро придут на мой день рождения гости: мои «друзья» и родственники. Мама наделала салатов, испекла торт и уже накрывает стол. Мы будем пить «ситро» и объедаться вкуснятинами. Кстати, я «вспомнил», несколько подарков, которые мне сегодня преподнесут. Мама подарит мне довольно модную коричневую короткую курточку из кожзаменителя. Я ее потом очень быстро порвал. А моя соседка по подъезду девочка Света кроме всего прочего презентует мне целую упаковку жевательной резинки. Настоящей, зарубежной. Я тогда был ужасно доволен этим подарком, можно сказать счастлив.

Но эти эмоции вряд ли посетят меня в этот раз. Ведь в той, другой, жизни мне должно было бы исполниться сегодня сорок пять. Меня б с утра поздравили б мои домашние, затем сотрудники на работе, потом мои клиенты. Подарки б меня мало волновали, но шампанское лилось бы рекой. А вечером допоздна мы большой компанией гудели б в каком-нибудь крутом ресторане. Элитная выпивка, изобилие закусок, громкая музыка.

Но все это должно будет произойти в прошлом. Ух-ты, какая корявая речевая конструкция. А ведь она для меня вполне объективна. Но что самое важное у меня, возможно, появился шанс построить жизнь заново.

10 октября 1978 года

Сегодня я произвел фурор. Грандиозный фурор. Я его заранее запланировал, провел длительную подготовку и успешно реализовал. Чувствую себя героем. Ну, начну по порядку.

К концу апреля я все-таки определился, как используя свои уникальные способности, построить новую жизнь, или правильнее сказать, построить жизнь заново. Вначале надо было осторожно подготовить родителей.

– Мама, папа, хочу с вами поговорить о своей учебе, – осторожно начал я свою заранее подготовленную речь. – Меньше месяца осталось мне учиться в третьем классе, потом каникулы, а дальше я пойду уже в четвертый класс. Будет больше предметов, по каждому будет свой преподаватель, будет больше требований.

– Да, начальные классы ты заканчиваешь. Становишься более взрослым. – согласилась мама.

Я продолжил:

– Так вот. Я хочу стать лучшим учеником школы. Как Ленин. Чтобы вы мною гордились. Родители удивленно переглянулись:

– Так ты вроде и так неплохо учишься. Отличник. Вот только правописание у тебя чуть хромает. Надо бы диктанты с тобой пописать.

– Вы меня не совсем поняли, – продолжил я выражать свою мысль – Я хочу не просто быть отличником, я хочу стать лучшим, чтобы медаль золотую дали, чтобы учителя все хвалили, и вы бы гордились. И для этого я хочу все лето позаниматься по всем предметам, которые будут в дальнейшем. Но диктанты со мной писать не надо, я сам хочу добиться результата.

Мама недоуменно пожала плечами:

– Да, пожалуйста, занимайся, кто же тебе мешает. У тебя способности большие, и если ты на каникулах пару часиков в день выделишь на учебу, то можешь добиться хороших результатов. Похвальная инициатива.

– Тогда у меня к вам несколько просьб, – теперь я перешел к делу – Во-первых, я хочу, чтобы вы меня самого пускали в библиотеку Крупской, чтобы я там мог в любое время брать учебники и дополнительную литературу. Во-вторых, не отправляйте меня никуда этим летом. Я составлю себе распорядок дня. Буду учиться и отдыхать здесь в Донецке. И, в-третьих, не говорите, пожалуйста, никому о моих планах. Не хочу, чтобы надо мною смеялись.

В общем-то, ничего сверхъестественного я не попросил, и родители согласились. Хотя на самом деле мои планы были значительно грандиознее. Я задумал за оставшиеся до нового учебного года четыре месяца повторить весь школьный курс, доказать учителям свою «гениальность» и тем самым добиться значительных привилегий в обозримом будущем. Другими словами, меня должны признать вундеркиндом и предоставить соответствующие жизненные льготы. А если еще конкретнее, то мне предстояло проштудировать несколько десятков учебников по массе предметов, с четвертого по десятый класс, перечитать множество программных литературных произведений, восстановить необходимые навыки по владению иностранным языком. А еще в мою задачу входило уделять достаточное внимание своему физическому развитию.

Составленный мной распорядок дня на эти месяцы был достаточно жестким. Времени на досуг практически не выделялось. «Отдых – это смена занятий» – взял я на вооружение, не помню кем, произнесенную фразу. Каждое утро я начинал получасовой пробежкой, затем разминка, перекладина и другие силовые упражнения. После завтрака и до обеда время было занято изучением или повторением, не знаю, как будет правильней выразиться, программы по всем школьным предметам: математика, физика, биология и т. д. Вторая половина дня проходила в быстром чтении художественной литературы русских и украинских классиков

и в занятиях по французскому языку. В промежутках, когда уставали глаза и туманились мозги, я выполнял, опять таки, физические упражнения.

Учебники и художественную литературу брал по мере надобности в областной библиотеке. Чтобы не шокировать родителей степенью своих интересов в учебе, все книги сразу же оборачивал в обложечную бумагу, мотивируя, что такие требования библиотеки к сохранности. Да и большую часть своих индивидуальных занятий старался проводить на улице, подыскав для этого несколько укромных мест. Родителям также не стоит знать, сколько действительно тратит времени их «малолетний» сын на «подготовку к школе».

Кстати, «укромные места» для самоподготовки мне удалось найти далеко не сразу. «Любимый мой дворик», о котором чуть позднее запоет советский певец Тынес Мяги, отпал для этих целей сразу же. Я, как и большинство мальчишек, был очень общителен и имел немалое число друзей-товарищей по родному дворику. Ну а последним абсолютно не нужно было знать, чем занимается в период летних каникул их бывший корефан. Мало того, чтобы пореже отвечать на всевозможные вопросы и призывы своих наслаждающихся детством товарищей, мне приходилось их попросту избегать, а точнее будет сказано – лишний раз не попадаться на глаза. Что было также нелегкой задачей.

Попытался я обосноваться в близлежащем парке, но и там через некоторое время нашлись «сверстники», у которых вызвал нездоровый интерес мальчик, постоянно штудирующий на лавочке школьные учебники. Да. В Советском Союзе «белые вороны» не ценились в любом возрасте. В конце концов, местом для проведения индивидуальных занятий я выбрал территорию детской областной больницы. Там также было полно удобных лавочек, а местным пациентам и медперсоналу не особо было дело до моих учебных потуг.

Сам мой процесс «переучивания» обходился мне отнюдь нелегко, хотя я и был всегда достаточно способным в изучении всевозможных наук. Я по-прежнему достаточно быстро схватывал суть вопроса, приходил к пониманию тех или иных законов, строил логические выводы, но запоминать всевозможные формулы, определения или исторические даты стало гораздо труднее. Свободных и быстро доступных к использованию пикселей головного мозга у меня уже явно не хватало. Дети в десятки раз восприимчивей к запоминанию, чем взрослые. Эту аксиому я прочувствовал на собственной шкуре. Но мне все-таки серьезно помогало, то, что вся информация, которую я запоминал, однажды, хоть и очень давно, уже проходила через мое сознание. И я ее все-таки «впихнул», причем в отведенные для этого сроки.

Вот и настало первое сентября. После линейки и знакомства с классным руководителем нашим первым занятием был урок математики. Наша новая учительница, пятидесятилетняя Лилия Михайловна, после непродолжительной вводной части стала объяснять новую тему: «Множества». Я достал из своего ранца учебник по высшей математике для технических вузов и абсолютно не скрываясь, начал его изучать. Мой безрассудный поступок был замечен учительницей уже через несколько минут

– Что это ты там читаешь такое увлекательное? – с ехидством спросила она, и, подойдя к моей парте, взяла в руки учебник.

– Да вот пытаюсь освоить теорему Логранжа, – ничуть не смутившись, ответил я.

Весь класс разразился смехом и ребяческими шутками. Лилия Михайловна побагровела.

– Да как ты смеешь мой урок превращать в цирк! Как твоя фамилия?

– Моя фамилия Родомский, Сергей Родомский, – спокойно ответил я – А Ваш урок в цирк я совсем и не превращаю. Напротив, изучаю математику. Только на том уровне, которого уже достиг.

– Хватит умничать, – гневно прервала меня учительница – давай быстро дневник. А если еще раз увижу тебя за посторонним занятием, выгоню с урока. И встретимся только в кабинете директора и вместе с твоими родителями.

Меня это ничуть не напугало, но я послушно закрыл свой учебник и притворился слушающим. Когда прозвенел звонок и мои одноклассники быстро разошлись, я, подойдя поближе, обратился к учительнице :

– Лилия Михайловна, Вы извините меня, пожалуйста, что вызвал Ваш гнев, но посоветуйте, как мне все-таки быть. Я действительно самостоятельно прошел уже весь школьный курс по математике, включая десятый класс, и начал изучать высшую математику, которую преподают в вузах. По алгебре я освоил....., по геометрии:.... – Я перечислил основные разделы школьного курса этих предметов, – И готов прямо сейчас продемонстрировать, что выучил их вполне прилично.

Лилия Михайловна слушала меня молча, можно сказать, открыв рот от удивления. При чем, я видел, что ее удивляли не только произносимые мною математические термины, но и сама моя грамотно поставленная речь. «Не мальчика, но мужа» – опять не помню, кто сказал. Но тут ее поразила одна догадка.

– Я, кажется, поняла, в чем дело, – хитро подмигнула она мне – Ты решил произвести на меня впечатление своею как бы эрудированностью, да и на своих товарищей тоже, вызубрил названия всех этих разделов и устраиваешь теперь показуху.

– Лилия Михайловна, Вы абсолютно правы, – улыбаясь, ответил я – Я действительно хочу произвести на Вас впечатление. Но не показухой, как Вы выразились, а реальными знаниями. Не верите – задавайте любой вопрос по алгебре или геометрии. Желательно из курса, более старших классов.

– Хорошо. Как вычислить объем усеченного цилиндра? – заведясь, спросила учительница.

Вопрос для меня был несложным. В ответе я не стал ограничиваться просто формулой – я дал ее полную выкладку (как разницу объемов двух правильных цилиндров), охарактеризовал каждую ее составляющую и, вдобавок, дал развернутое определение числу «пи».

Лилия Михайловна была ошарашена.

– Может, еще вопросик по алгебре зададите? Ну, например, понятия дифференциала или интеграла? – решил добить учительницу я.

Ее молчание я воспринял как согласие и быстро осветил и эти темы.

– Еще о чем-нибудь продолжить? – раззадорился я.

На этот раз учительница решительно помахала головой, жестом предлагая мне удалиться.

Следующим моим уроком была история, точнее «Рассказы по истории нашей Родины». Вела предмет совсем молоденькая полненькая женщина, лет двадцати пяти-тридцати, Татьяна Робертовна. «По возрасту она могла бы мне в дочери годиться», – увидев ее, подумал я. Но надо было продолжать свое «шоу». И я продолжил аналогично первому уроку.

Рассказывая о жизни древних славян и расхаживая по рядам аудитории, Татьяна Робертовна застала меня читающим постороннюю толстую книгу.

– Так-так-так. А что это мы тут читаем, вместо того чтобы внимательно слушать? – с издевкой спросила она, заглядывая в мою книгу – «Курс лекций по истории КПСС» – прочла она и далее последовало замешательство.

Я не удержался, чтобы не пофлиртовать с «миловидной девушкой» :

– Видите ли, Татьяна Робертовна, я считаю, что достаточно неплохо освоил тему о происхождении и жизни Восточных славян, как, впрочем, и иные темы из курсов Древней, Средневековой, Новой и Новейшей истории. Поэтому считаю вполне нормальным, посидеть тихонько на вашем уроке и поизучать то, что сейчас действительно актуально для меня, а именно историю нашей Коммунистической партии. Кстати, также исторический предмет.

Весь класс застыл в полной тишине в ожидании бури. Татьяне Робертовне все же удалось преодолеть эмоции и спокойно ответить мне, но уже достаточно строго:

– То, что ты пытаешься читать историю КПСС это очень похвально. Но, может, вначале ты убедишь меня, что знаешь историю древних славян?

– Охотно, – улыбнувшись, ответил я и начал освещать данную тему.

Мое изложение далеко не соответствовало тому детскому описанию, что отражалось в «Рассказах по истории...». Я начал с языковой принадлежности древних славян, упоминаниях о них в греческих и римских источниках, обозначил первоначальный ареал обитания, дальнейшие пути расселения. Перейдя к восточным славянам, назвал основные племенные союзы, их географию и отличительные признаки. Пытаясь продолжить относительно производственных отношений и быта древних славян, был остановлен репликой учителя истории:

– Все, достаточно. Я убедилась, что к этому уроку ты подготовился достаточно основательно. Теперь сиди тихонько и никому не мешай, а после урока задержись, пожалуйста, хочу с тобой поговорить.

В целом этого я и добивался. Татьяна Робертовна продолжила свой урок, периодически бросая на меня смущенные взгляды. Замечая их, я тут же отрывался от своей книги и с показной задумчивостью наблюдал за учительницей. Но вот закончился урок, и мы остались одни.

– Тебя ведь зовут Сергей Родомский? – начала с вопроса Татьяна Робертовна

– Да. Вы правильно прочитали мои фамилию и имя на моем дневнике, – демонстрируя свою наблюдательность, ответил я.

Учительница опять поддалась удивлению и соответственно подергала головой.

– А, ты действительно увлекаешься историей или только хорошо подготовился к сегодняшней теме? Даже если и так, ты использовал отличный материал и речь поставил великолепно.

– Татьяна Робертовна, – укоризненно возразил я – я действительно могу изложить вам любую тему по истории за весь школьный курс, вплоть по десятый класс. Хотите, поговорим о Древнем Египте, Древней Греции или Римской империи? Можно о Средневековой Франции, Англии или, даже, Халифате. Голландская буржуазная революция, основание США, освободительные национальные движения. Выбирайте вопрос – докажу.

Татьяна Робертовна продолжала удивляться, но при этом у нее внезапно заблестели глаза.

– А о Русско-Турецких войнах восемнадцатого-девятнадцатого века слабо мне рассказать, – азартно спросила она.

«М-да. Ты хоть и дипломированный педагог, но все же еще совсем молоденькая девочка, – с грустью подумал я – Грамотной речи тебе еще учиться и учиться. Ну, ничего, с опытом придет»

– Не слабо, – тут же ответил я и быстро изложил, предложенную тему.

– Может я где-то чуть ошибся с конкретными датами, – как бы оправдываясь, закончил я – но ведь я отвечал без подготовки, да и, мне кажется, что и Вы сами, будучи студенткой, на экзаменах пользовались шпаргалкой с датами важнейших исторических событий.

Еще одну учительницу я ввел в безмолвное изумление. Но я продолжил насмехаться:

– Может Вам еще рассказать о предпосылках февральской революции или дать признаки перехода капитализма к империализму?

Отрицательное качание головы в ответ.

– Ну ладно, мне пора готовиться к следующему уроку, – в качестве прощальных слов произнес я и игриво подмигнул, встающей из-за стола Татьяне Робертовне.

Преподавателем украинского языка и литературы у нас была Валерия Ивановна, внешне не очень привлекательная женщина лет тридцати пяти, малоулыбчивая и иногда истеричная. Только сейчас у меня возникла мысль, что ее характер связан с, может быть, не очень удачной семейной жизнью. На ее уроке я решил изменить тактику и не устраивать демонстрацию своей гениальности, чем вызвал разочарование у своих одноклассников. Сидел молча, больше погруженный в свои мысли, чем слушая ее рассказ о бесстрашных запорожцах, проникших

во вражеский стан турецкого войска. Дождавшись конца урока, с вопросом подошел к учительскому столу:

– Валерия Ивановна, можете мне уделить пять-десять минут?

Учительница вопросительно посмотрела на меня. Я принял это как знак согласия и продолжил:

– Меня зовут Сергей Родомский. Я хочу с Вами посоветоваться, а может даже попросить о помощи. Наверное, правильной будет выразиться не о помощи, а о содействии.

Все это я произнес на довольно чистом украинском языке. Надо отметить, что Донецк является русифицированным городом и даже если пятьдесят процентов наших родителей и являются выходцами из украиноязычных регионов, все равно в семьях в основном разговаривают по-русски. Поэтому дети со временем, в процессе учения, прекрасно понимают «украинську мову», а вот самим излагать на ней свои мысли для большинства остается достаточно тяжело, как в прочем и большинству их родителей.

– Видите ли, я за последнее время самостоятельно изучил весь школьный курс по украинскому языку и украинской литературе и очень хотел бы Вас в этом убедить. Ведь согласитесь, какой мне смысл просиживать на Ваших уроках за партой в четвертом классе, когда я освоил уже десятый.

Естественно моя реплика вызвала реакцию, аналогичную реакции других учителей. Негодование, недоверие, затем, испытание. А закончилось все это тем, что мы абсолютно на равных обсуждали произведения Коцюбинского и Франка. Моим следующим и последним на сегодня уроком была физкультура. Я на нее идти не собирался и с удовольствием вел дискуссию с учительницей по украинскому.

Валерия Ивановна, как оказалось, была страстно увлечена творчеством украинских классиков девятнадцатого века, особенно выходцев из Австро-Венгрии. Мой уровень познания в этой области был значительно ниже и не выходил за рамки средних школьных знаний, но я был достаточно эрудирован, хорошо знал историю, и умел логически мыслить. В общем, моя учительница давно чаяла такого собеседника. Валерия Ивановна очень увлеклась. Ее щеки приобрели розовый румянец, в глазах отразился азарт, и мне периодически стало казаться, что учительница осознает мой действительный возраст.

Наш диалог прервал звонок, указывающий, что закончился очередной урок. Пора было расходиться. Вот только я так и не смог осознать, что содержал прощальный взгляд Валерии Ивановны. Шока, как и удивления не было. Может какая-то грусть, однозначно, понимание. И еще что-то, не очень осознаваемое, но вполне приятное.

Следующий учебный день начинался с урока русского языка. Этот предмет вел у нас завуч Лев Ионович, солидный холеный мужчина примерно моего прошлого возраста. Опять нелепая фраза относительно моего возраста. Тем не менее, оставим ее. Касательно же, личности учителя русского языка и литературы следует заметить, что он был очень строгим, требовательным и вызывал достаточный трепет у своих учеников, не давая малейшего повода к баловству и непослушанию. На его уроке я не мог позволить себе привольную демонстрацию своей гениальности, вернее предпочел этого не делать и вообще этот урок пропустил. Кстати, то, что я так хорошо помнил характер каждого из своих школьных преподавателей, является еще одним подтверждением того, что я не страдаю «иллюзией будущего».

В четвертом классе мы учились во вторую смену, и на занятия я пришел часам к двум, еще подождав минут пять-десять в коридоре, когда прозвенит звонок с первого урока, и преподаватель покинет аудиторию. Затем сразу направился в кабинет завуча, расположенный в глубине учительской. Лев Ионович сидел за своим столом, делая пометки в общей тетради. Поздоровавшись и попросив разрешения войти, я начал свою речь:

– Меня зовут Сергей Родомский. Я ученик 4-В класса. Я пришел извиниться, а точнее объяснить, почему я не присутствовал на Вашем уроке.

Преподаватель строго посмотрел на меня и с издевкой задал встречный вопрос:

– Ты хочешь сказать, что проспал, заболела голова или застрял в лифте?

Я, усмехнувшись, возразил:

– Да нет, Лев Ионович, проспать в дневной час – это достаточно тяжело, голова у меня никогда не болела, да и лифта в моем доме нет.

– Тогда, может, ты осмелишься утверждать, что все хорошо знаешь и тебе неинтересно присутствовать на моих уроках? Я уже успел кое-что прослышать о твоём вызывающем поведении на других уроках.

В свой ответ я вложил максимум деликатности, почтения и даже лести:

– Лев Ионович, я сейчас очень рискую навлечь на себя Ваш справедливый гнев, но я настоятельно прошу разобраться в моих познаниях по русскому языку и литературе. Я абсолютно не вправе утверждать, что досконально овладел этим предметом, но я действительно очень многое почерпнул, причем из всего школьного курса. И еще, опять же не хочу Вас шокировать, но я вполне неплохо изучил весь школьный курс по всем базовым предметам. В чем также прошу убедиться.

Лев Ионович некоторое время пристально смотрел на меня, а затем без каких либо предисловий устроил мне настоящий экзамен. Вопросы он задавал, достаточно системно, начиная от тем более младших классов и заканчивая старшими: фонетика, грамматика, синтаксис, пунктуация, литературные произведения, статьи критиков. Он не старался меня засыпать, но педантично и беспристрастно в течение почти часа зондировал мою глубину знания или незнания тех или иных аспектов предмета. А многие аспекты я действительно не знал или знал недостаточно.

– В том, что ты досконально знаешь весь школьный курс по русскому языку и литературе, ты меня абсолютно не убедил, – закончив опрос, резюмировал Лев Ионович.

– Не буду оспаривать, – согласился я – но будь сейчас на моем месте десятиклассник, разве он бы произвел на вас большее впечатление своими познаниями?

– Возможно, – после некоторой паузы задумчиво ответил преподаватель, а затем последовал долгожданный вопрос – Так чего же ты все-таки добиваешься?

– Для начала мне хотелось бы, чтобы по моему поводу собрался педсовет школы, на котором бы убедились, что я действительно обладаю достаточным уровнем знаний, чтобы, по крайней мере, не сидеть за партой в четвертом классе.

– Ну что ж, думаю, в ближайшее время я это устрою, – согласился завуч – а пока воздержись, пожалуйста, от дальнейшей демонстрации своих способностей. Отложим это до своего времени.

Лев Ионович сдержал свое слово, и педсовет состоялся уже в ближайшую субботу. На нем присутствовали, в том числе, я и моя мама, которую я предварительно подготовил. Надо признать, что мои родители довольно недоверчиво отнеслись к заявлению о моей «уникальности». Поэтому одновременно с учителями убеждать в этом пришлось и их.

Внеочередное, так называемое, собрание проводила лично директор школы и она же преподаватель математики. Поэтому естественно, что, прежде всего, меня ждал углубленный опрос по этому предмету. Минут на сорок, со все возрастающей сложностью. Я с ним справился «на ура» и попросил, чтобы меня «погоняли» по другим предметам. Директриса передала эстафету Татьяне Робертовне. Та задала лишь три, видимо заранее подготовленных, довольно непростых вопроса: один по средневековью, один по новой истории и один по истории СССР. Я также с ними неплохо справился. Предложили продолжить опрос преподавателю по украинскому языку и литературе, но Валерия Ивановна отказалась, сообщив, что уже убедилась в моих хороших познаниях по этому предмету. К моему изумлению Лев Ионович также подтвердил, что я неплохо освоил весь школьный курс по русскому языку и русской литературе.

Установилось некоторое замешательство. В четвертом классе больше основных предметов не преподавалось, ну а рисованием или пением меня тестировать было, естественно нелогично. Инициативу опять взял я, заявив о готовности продемонстрировать свои знания по школьным предметам более старших классов. На педсовете присутствовали еще одни завуч, она же преподаватель по химии и биологии, преподаватель физики, а также наша классная руководитель – преподаватель французского языка. Они неуверенно приступили к опросу по своим предметам. И... Опять мой триумф.

Весь присутствующий учительский состав был не просто удивлен, все шокированы, изумлены и повержены. Невиданно. Непостижимо. Десятилетний мальчик отвечает на вопросы и справляется с задачами не хуже выпускника школы. Нет. Даже, лучше. Не меньшему удивлению подверглась и моя мама. Из оцепенения вывела всех вполне уместная реплика директрисы:

– Похоже, мы действительно убедились в необычайных способностях Сергея Родомского. Теперь нам предстоит подумать, что нам с этим делать.

Опять попросил слово я:

– Я понимаю, что это звучит очень вызывающе, но позвольте мне все-таки выразить свои предложения. Я хотел бы в ближайшее время сдать выпускные экзамена и на следующий год поступить в институт. Если коротко, то так.

Тут же последовали всевозможные реплики типа «но это невозможно», «это невиданно», «да кто такое разрешит?»

– Почему «не возможно»? – не унимался я – Я сегодня в своих способностях убедил здесь присутствующих. Завтра вы поможете мне убедить РАЙОНО и вышестоящие организации. Привлечем журналистов. Да вы только представьте себе, как прославится наша школа, город, наша социалистическая Родина, в конце концов. Ведь мы же советские люди.

Дальнейшее заседание велось уже без моего присутствия. Меня и мою мать попросили удалиться. В этот день так ничего и не решили, но спустя неделю, после неоднократных консультаций с вышестоящими инстанциями, а также значительных усилий моей мамы мне позволили попробовать сдать выпускные экзамены за десятый класс плюс география и французский за девятый

На месяц было разработано соответствующее расписание на десять экзаменов. Как и после десятого класса три-четыре дня подготовки перед каждым. Экзаменационная комиссия в составе двух- трех соответствующих преподавателей под руководством сотрудника отдела образования. Все десять я успешно сдал – в этом фурор. И все десять на отлично – это уже грандиозный фурор. Корреспондентов газет на экзамены решили не приглашать, но резонансная информация быстро распространилась далеко за территорию школы – в нашем городе появился вундеркинд, уникальный вундеркинд. И этот вундеркинд – я, в начале своей новой жизни.

21 августа 1979 г

И вот в свои «вторые» 11 лет я второй раз стал студентом. Причем студентом МГУ. Реализован мой следующий, запланированный большой успех новой жизни. Но как же много сил и нервов ушло на его воплощение!

Фурор то я произвел, вытребованные экзамены вроде бы сдал вполне успешно, вот только никто не торопился официально признавать мои успехи, объявлять гением, так сказать. Установилась бюрократическая пауза, в течение которой ответственные работники всех уровней решали, что же со мной делать дальше. При этом ни сенсационных статей, ни умопомрачительных репортажей. Меня же и моих родителей стали регулярно приглашать в различные государственные инстанции. Побывали и у врачей, в том числе, психиатров, и в многочисленных ведомствах системы образования, в кабинетах комсомольских и партийных боссов, даже первый секретарь горкома на прием вызвал. И всюду задавался примерно один и тот же набор вопросов и в сходной последовательности. Вначале – беседы о жизни и прочие общие темы, затем, каждый пытался удостовериться в уровне моих выдающихся способностей и в конце поднимался самый важный вопрос, что же со мной делать дальше. Свои- то пожелания по поводу скорейшей учебы в вузе я каждый раз выражал, но вот ответная поддержка никак не ощущалась. Я уже стал сомневаться, не зря ли затеял всю эту игру и, может, наша социалистическая система столь консервативна, что не в состоянии отреагировать на появление «вундеркинда» такого уровня.

От занятий по школьной программе меня так никто и не освободил, хотя и прекрасно понимали, что за партой вместе со сверстниками мне находиться вовсе не обязательно. Поэтому в промежутках времени, когда меня никто не вызывал, я был предоставлен себе самому, то есть находился без всякого занятия. Неопределенность ситуации подавила мою кипучую энергию, оставив без продолжения все запланированные мною начинания. Курс интенсивных занятий я прекратил, как и комплекс физических упражнений и стал предаваться задумчиво-созерцательному безделью в различных местах родного города: дома на диване, на осенних улицах, в стенах школы. И опять-таки безделью лишь самим с собой, находясь в полном вакууме общения.

Для окружающих меня взрослых я оставался по-прежнему лишь ребенком, хотя и весьма одаренным и непонятым, ну а мои «сверстники» были абсолютно неинтересны мне. Кстати, очень быстро мне удалось откреститься от «дружбы» своих одноклассников и товарищей по двору. На все предложения о совместном времяпровождении отвечал отрицательно и кратко, типа: «Не интересно», «у меня другие планы», «без меня», так что они вскоре прекратились. На насмешки, дразнения и словесные детские реплики абсолютно не реагировал, а потому стал неинтересен как потенциальный объект нападков. Физическим столкновениям также постепенно положил конец. Когда, один из одноклассников толкнул меня, пытаюсь втянуть детскую потасовку, я остановил его лишь одной фразой:

– Еще раз так поступишь – вырву яйца.

По моим глазам понял, что не шучу. Больше не приставал. Спустя некоторое время другой одноклассник, опять же ребячась, ударил меня ногой по заднице. Моя ответная холодная фраза должного эффекта не произвела, и он повторил обидный «поджопник». Мое следующее действие последовало незамедлительно – я с силой прицельно врезал обидчику кулаком в переносицу. Разбитый нос, нокдаун и моя явная победа, не смотря на то, что противник был на голову выше и сильнее меня. В детском возрасте редко происходят драки в полном смысле этого слова. Чаще всего схлестнутся два мальчишки в петушином поединке и будут толкать друг друга со словами: «Что ты хочешь?», «А тебе что надо?». И победителем выйдет не тот, кто сильнее или умелее в единоборствах, а тот, кто меньше боится, у кого дух крепче. Пусть

я мало, когда участвовал в драках и еще недостаточно развился физически, но уж боевого духа у меня хватало. Сорокапятилетнему мужчине бояться ли школьников? А тем более я прекрасно «помнил», что мой настоящий обидчик никогда не отличался бойцовским характером. Поэтому после этого случая все «сверстники» от меня отстали. Ну, или почти все. До следующего случая:

Однажды вечером, возвращаясь домой из школьной библиотеки, на школьном дворе я столкнулся с группой старшеклассников. Подростки были явно не из благополучных, да еще и навеселе. Я не помню, был ли в то время доступ у молодежи к травке и другим наркотикам и не могу с уверенностью утверждать о наркотическом опьянении у моих «школьных товарищей», но, по крайней мере, запах алкоголя чувствовался хорошо.

– О!!! Какая встреча! Наша гордость школы к нам пожаловал, – выкрикнул один из них, загоразивая мне дорогу

Я ответил, стараясь держаться как можно спокойнее:

– Давайте не будем накалять обстановку. Разрешите мне пройти. Вам и без меня достаточно весело.

– Да ты фильтруй базар, умник! Пойдешь, когда мы захотим. А на клык сначала взять не хочешь? – с этими словами и нездоровым смехом подростки стали обступать меня.

Вот тут мне стало реально страшно. Очень страшно. Большинство из них было явно не в адеквате, а значит, не возымеют действия ни мои слова, ни поступки. Я стал пятиться назад и внезапно упал от предательски подставленной подножки. Затем меня настиг удар чьим то ботинком по ребрам, пока не сильный, но все же ощутимый и я инстинктивно закрыл голову руками. Теперь меня охватила паника. За все сорок пять лет меня никто не избивал.

– Что обоссался уже? – раздался голос одного из обидчиков – Вставай и беги уже нахуй отсюда. Только резво беги. А то догоним и уже точно напиздюляем сполна.

Второй раз для меня повторять не нужно было. Я резко вскочил на ноги и побежал. Быстро, не оглядываясь. Я был подавлен. Такой позор я давно не испытывал. И надо было предотвратить его повторение.

Следующим утром я не преминул посетить директора школы.

– Лариса Алексеевна, вчера вечером у здания школы я подвергся хулиганскому нападению подвыпивших старшеклассников – начал я свою жалобу, демонстрируя вчерашние следы падения.

Директор застыла в безмолвном замешательстве, и я продолжил:

– Я понимаю, в этом случае нет ничего экстраординарного, и потасовки между учащимися происходят сплошь и рядом, но мне очень не хотелось бы в ожидании решения о моей дальнейшей судьбе получить какую либо травму, пусть хоть психологическую. Вам, я думаю, тоже это ни к чему.

Мой намек был не сразу серьезно оценен.

– Что же ты хочешь, что бы мы предприняли? Ты можешь опознать нападавших? Что же теперь охранять тебя? – посыпались сумбурные вопросы.

– Виновниками вчерашнего инцидента были учащиеся 8-Б класса. Фамилий их я не знаю и в опознании смысла не вижу, как и в личной охране. Вот усилить дисциплину я Вас все-таки попрошу. Я думаю, Вы в силах сделать так, чтобы каждый понял, что со мной лучше не связываться. И не просто понял, а явно прочувствовал этот постулат. И, если у вас недостаточно возможностей, чтобы принять соответствующие меры, так и скажите. Я обращусь к более компетентным инстанциям. Я сейчас принадлежу не себе самому, ни родителям, а нашей советской Родине, и мы не должны подвести ее какой-нибудь случайностью.

После таких слов возможности нашлись, и директор приняла все необходимые меры. С неблагополучными подростками и их родителями были проведены жесткие беседы, в том числе и с участием сотрудников милиции, на территории школы установили постоянный пост

дежурства. Пусть до меня иногда и стали доходить тихо произносимые за спиной фразы типа: «стукач» или «крючок», но зато со мной уж действительно никто не связывался. Я строю новую жизнь и уж бойкота случайных попутчиков в ней я абсолютно не боюсь.

Правда после этого инцидента у меня возник ряд вопросов, не совсем простых, но требующих решения. Вот меня унизила группа пьяных подростков и я ничего не смог предпринять в ответ. А осмелились ли бы они напасть на сорокапятилетнего мужчину, пусть и некрупной комплекции? Вряд ли. Он бы сумел дать отпор, хотя бы за счет возрастного авторитета. Ведь, в психологии подростка заложена некоторая робость перед взрослыми. Как и в психологии уже взрослого человека заложено некоторое чувство уважения к мнению более старшего. То же, можно выразиться, возрастной авторитет. Вот в чем загвоздка. Хотя я и обладаю сейчас знаниями, умом и опытом человека зрелого возраста, но авторитета взрослого у меня нет. Чем же заменить этот необходимый для жизни авторитет или как его быстро приобрести? Этой психологической проблемой следовало основательно заняться. И я решил поупражняться в воссоздании авторитета на своих «сверстниках». По крайней мере научиться манипулировать некоторыми из них.

Зачем мне это? И не аморальна ли сама идея использовать детей в своих дурацких целях? Сразу же возникло у меня два взаимосвязанных вопроса. А насрать мне на все нормы морали. Я непонятным образом оказался в чуждом для меня утратившем актуальность мире. И все, кто меня в нем окружают также неактуальны, а если они и реально существуют, то могут быть лишь средствами для осуществления моих грандиозных планов. Ну а умение использовать людей всегда пригодится в моих дальнейших начинаниях. Да и что я теряю, в конце концов? Итак, заняться особо нечем.

Первой своей жертвой я выбрал своего одноклассника и «бывшего» близкого товарища Володю Пташенко. Володя жил со мной в одном доме, в соседнем подъезде. Так же как и я имел хорошие способности к учебе, вел активный образ жизни и отличался рядом лидерских качеств. А еще он увлекался научной фантастикой. Имея неплохую родительскую библиотеку, перечитал множество соответствующих книг и журналов и очень любил пересказывать прочитанное нам, внимательно слушающим одноклассникам.

На встречу Пташенко я пригласил запиской, незаметно для других сунутой в руку последнего в школьном коридоре. Как и положено в приключенческих романах.:

«Есть важный разговор. Давай встретимся завтра в 10.00 возле ракеты. Приходи один и смотри, что бы никто за тобой не следил» Далее подпись.

Ну как не заинтриговать таким текстом увлеченного фантастикой подростка. Естественно Володя пришел гораздо раньше назначенного времени. Далее последовало мое «признание»:

– То что я тебе сейчас расскажу, не должно передаваться никому более. Поклянись мне в этом.

Мой товарищ, вытаращив от удивление глаза, лишь щелкнул ногтем большого пальца руки о передние верхние зубы. И провел рукой у горла. В «наших кругах» этот жест означал торжественную клятву.

– Меня задействовали в очень секретном научном проекте. Ты думаешь почему я резко стал таким умным? Меня все лето подвергали воздействию специальных препаратов, которые стимулируют деятельность головного мозга, открывают способности и таланы. Новые космические технологии. Так вот, этот проект предусматривает создание международной организации гениальных людей, способных изменить весь земной уклад и, может быть даже, пойти навстречу новым внеземным цивилизациям.

– Построить коммунизм? Навстречу инопланетным цивилизациям? – зачарованно принялся уточнять Пташенко.

– Примерно так, – согласился я и продолжил – Ты мой друг и я хочу, чтобы тебя тоже задействовали в программе.

– Ух, ты! Здорово! – воскликнул одноклассник – И как бы мне попасть к вам?

– Ну для начала ты должен помогать мне во всем, о чем ни попрошу. Давай для начала ты будешь собирать информацию о каждом учителе нашей школы и каждую неделю передавать ее мне. По вторникам, как и сегодня. В это же время и в этом месте

– А, откуда я знаю, что ты не выдумываешь все это? – вдруг спохватился мой одноклассник.

Да, одиннадцать лет это уже не тот возраст, когда веришь сказкам, даже если и увлечен фантастикой.

– Я тебе большее скажу, – продолжил я свою игру – я иногда умею читать мысли и угадывать желания. Я, например, знаю, что ты втюрился в нашу одноклассницу, Марину Соляник, и даже пытаешься ей сочинить большое любовное послание.

Дело в том, что спустя пару месяцев Пташенко сам признается мне, или должен был признаться в «той» жизни о своих чувствах к этой девочке и попросит меня помочь написать ей что-нибудь необычное, привлекающее внимание. И я опять оказался прав. Я «помню» будущее.

После этих слов Володя с радостью проглотил крючок. И на протяжении ближайшего месяца я еженедельно выслушивал от него всевозможные сплетни о жизни и приключениях педагогического состава нашей школы. Зачем мне все это было нужно? Да абсолютно не зачем. Но я, во-первых, стал на путь овладения навыками манипуляции другими людьми, ну а во-вторых, мне просто прикольно было «играться» со своим одноклассником, принимающим мой бред за чистую монету. Живой «солдатик», можно сказать.

В нечто подобную «игру» я вступил с еще к несколькими своими «сверстникам», но уже рассказывая иные сказки и используя иную мотивацию. Кстати пару месяцев спустя мои психологические опыты преподнесли мне первые плоды, а точнее помогли справиться с небольшой жизненной шероховатостью. Проблемой эту ситуацию никак не назовешь.

Я уже упомянул ранее, что всяческие попытки моих сверстников пойти со мной на контакт, по их инициативе, естественно, скорым временем прекратились. Кому-то это надоело, кому-то я дал надежный отпор, ну а кто-то испугался запретов, установленных руководством школы. Остался только один учащийся, упорно пренебрегающий всем вышеперечисленным. Виталий Булимин, слегка туповатый толстячек из 6-Б класса. Вот он по-прежнему оставался очень равнодушным к моей нескромной персоне: при каждой встрече задевал меня, обзывал нелестными словами и отпускал всевозможные плоские реплики. Не то что меня это сильно огорчало или раздражало, но просто с одной стороны стало поднадоедать. А с другой стороны, я решил испытать, смогу ли я справиться с надоедливым дебилом, используя своих «солдатиков».

Я обратился с инструкциями к Володе Пташенко:

– Пришла пора выполнить тебе ответственное задание, а заодно пройти испытание на смелость и твердость. Виталька Булима, что с 6-Б совсем оборзел. Постоянно цепляется ко мне со всякой своей тупой ерундой. Мне то на все его жалкие потуги наплевать, но все это отвлекает. А еще его поведение может привлечь излишнее внимание, а нам это ни к чему. Так вот. Надо его выловить после уроков и дать пизды, что б больше не повадно было. И это должен сделать именно ты. Я, опять же из-за конспирации, это сделать не могу. Можешь взять с собой еще двоих наших товарищей. Думаю, Гена Сазонов и Игорь Тимашев для этого вполне подойдут.

– Дать пизды Виталику Булимину? – испугался моего поручения Пташенко – он же на два года нас старше, выше на целую голову, да и поздоровее будет.

– Поэтому то я и называю это испытанием. – парировал я – Навешать себе подобному это как два пальца обоссать. Какая тут смелость. А вот дать просрать более сильному – это поступок. К тому же вас трое будет, а сам Виталька с его тупостью вряд ли поддержку где

возьмет. Не уважает его никто. А вот вы после этого поединка себе авторитет заработаете. После уже вас бояться будут. Уважать ваше единство по крайней мере.

– Пригласи ка со мной встретиться Гену и Игоря. И передай им мою просьбу, особо не вдаваясь в подробности.

Пташенко передал, и вскоре я проводил инструктаж своим одноклассникам:

– То, что я вам сейчас скажу, вы вряд ли где еще почерпнете и от меня тоже больше не услышите. В уличной драке самым важным является не сила и не техника, а смелость и упорство. Самое страшное, когда боишься испытать боль. При этом сам ударить боишься, чтобы не получить в ответ. И этого бояться практически все. Кто первый победит страх, тот победит и в драке. Вы выдели, как я отшил Степанова, когда он унижал меня поджопниками. Одним ударом победил, потому что не испугался его ответки. А он зассал. Вот и вы сделайте так, чтобы зассал Булимин. По его жирной харе же видно, что он ни на что не способен. Только детей пугать. Нагоните на него страха дружным наездом и по пару раз врежьте. Вот увидите, на драку он больше не полезет.

Это была чистой воды теория. И сам то я подобной смелостью ранее не обладал, хотя и признавал правоту всего этого. Но вот на моих одноклассников данная теория подействовала и моего обидчика они проучили. Как же им было потом приятно наперебой рассказывать мне все подробности недавнего поединка, что и как кто говорил, куда бил, как трясся от страха Булимин. Больше меня этот увалень не затрагивал. Но еще важнее было осознавать, что я постепенно учусь использовать других для построения своей новой жизни. Яркой и красочной.

Но что-то я увлекся детскими рассказами. Ну а как иначе? Все-таки пока это была моя среда и из нее я никак не мог вырваться.

А еще в этой новой жизни я решил еще разок убедиться в отсутствии у меня «иллюзии будущего» и еще раз «познакомиться» с моей «будущей» или «прошлой» женой в детском возрасте. Опять нелепая речевая конструкция? Да! Несомненно, но по-другому выразиться не получается.

Со своей супругой Светланой в «прошлой жизни» я прожил почти двадцать пять лет. Она была старше меня на два года, а значит, в этом 1978 должна была учиться в шестом классе. Из ее рассказов о своем детстве я помнил, что раньше их семья жила где-то на Рутченково, там же Светлана и закончила школу. Лишь за года три-четыре до нашего знакомства мои будущие родственники переехали в новую квартиру на Набережной, куда я и стал в последствии часто навещаться. Поэтому разыскать свою девочку-Свету я мог в то время лишь в школе на поселке. Номер школы я помнил смутно. То ли 15, то ли 51. Я взял в руки телефонный справочник и стал просматривать школы Кировского района. Под номерами из моей памяти школ не числилось. Тогда я достал карту-схему Донецка и с ее помощью попытался получить дополнительную информацию, изучая название улиц, проспектов, переулков. Площадь Свободы – что-то знакомое. Возле нее расположена средняя школа №115. Похоже, это она и есть!

На следующий день я нанес визит в эту школу. Шестых классов в ней оказалось аж четыре. Под какой буквой из них училась моя будущая избранница, я не помнил абсолютно. Стоя в коридоре школы под расписанием уроков, я интенсивно размышлял с какого же шестого класса мне начать поиск. Почему-то мне приглянулась буква «В» и я пошел искать кабинет физики. Пока я бродил по неизвестному зданию, прозвенел звонок, и к искомому кабинету я подошел, когда учащиеся уже начинали его покидать. Я все же зашел в быстро пустеющую аудиторию, внимательно всматриваясь в лица выходящих школьников.

– Ты кого-то ищешь, мальчик? – спросила меня находящаяся у двери девочка.

– Да. Мне нужна Светлана, Светлана Стайнечук, – ответил я.

– Так вот же она, у окна копается, – указала мне девочка и тут же окликнула одноклассницу – Света, тут к тебе какой-то мальчик пришел!

Школьница у окна повернулась в мою сторону. Да, никаких сомнений! На меня смотрела моя будущая жена, в двенадцатилетнем возрасте. Светлые волосы, широкий лоб, голубые глаза с чуть припухшими веками. «Иллюзия будущего» опять не подтвердилась. Все, что я помнил из прошлой жизни явно не плод моего воображения. Вот только от того, что я увидел близкого мне человека, хоть и в детском возрасте, никаких эмоций не вызвало. Ни трепета, ни радости, ни ностальгии. Сердце ничуть не дрогнуло. Увидел, посмотрел в глаза и быстро ретировался.

К началу нового 1979 года моя ситуация все же разрешилась – где-то в середине января нас вызвали в горком партии, заранее предупредив, что это очень важная встреча и на ней будут присутствовать высокие гости из столицы.

В просторном кабинете первого секретаря кроме меня с мамой находилось еще пятнадцать-двадцать гостей. «Целая коллегия, – подумал я. – Такое множество деятелей уж должно что-то решить». В основном «деятели» были мне уже знакомы – работники системы образования, комсомольские и партийные боссы, представители еще каких-то ведомств, названия которых я не знал, но с самими представителями уже ранее общался. Несколько человек были мне не знакомы. Одного из них представил нам секретарь горкома, при этом, не назвав точно ни его должность, ни места работы:

– Рыбаков Петр Алексеевич приехал к нам специально из Москвы разобраться и оказать всякое содействие в судьбе нашего вундеркинда. Он как раз занимается одаренными детьми и обладает всеми необходимыми знаниями и полномочиями.

Петр Алексеевич, высокий тучный мужчина лет пятидесяти сразу же взял слово, давая понять, что в этом кабинете главным является именно он:

– Ну, с ситуацией я уже разобрался, хоть и заочно, и могу смело утверждать, что обсуждаемый нами юноша обладает действительно огромными талантами, – голос московского гостя был негромкий, но в интонации чувствовался опыт частых публичных выступлений. – В их источниках мы еще попробуем разобраться, – продолжал Рыбаков, – еще специалистов для этого привлечем. Заглянем в глубины сознания, так сказать. Но это в процессе. А пока предоставим юноше возможность дальше развиваться в соответствии с его способностями. Хочет в институт экстерном поступить? Пусть пробует. Начинание похвальное. Ну а я с моими коллегами буду этот вопрос курировать и помогать, где надо.

Дальше последовал вопрос, решил ли я в каком вузе я хочу продолжить учебу. Мой ответ вызвал у куратора сильное удивление:

– Учиться в Москве? Согласен. Там тебе и место. В МГУ? Не возражаю. Это самый престижный ВУЗ нашей страны. Но почему на экономический факультет? Ты отлично ориентируешься в естественных науках. Из тебя может вырасти выдающийся ученый-физик, математик или биолог, отличный врач, может быть, талантливый инженер, в конце концов. Но экономист? Не понимаю

Это и естественно, ведь логику моих планов он даже представить себе не мог. Сами эти планы дались мне очень непросто, через множество часов раздумий, анализа и копания в себе самом.

Чего я хочу добиться в новой жизни? Материального благополучия, полной свободы действий, славы, власти, может быть. И как же всего этого достичь? Сейчас я добился огромной форы, так сказать, демонстрируя у десятилетнего мальчика знания и опыт взрослого мужчины. Но эта фора с каждым годом будет уменьшаться. Достаточно много пятнадцатилетних подростков легко справляются с задачами по высшей математике, и мало кого удивишь в наличии жизненного опыта у двадцатилетнего юноши.

Я еще, конечно, обладаю целым списком конкретных событий, которые должны произойти в будущем. Этими познаниями я, возможно, воспользуюсь в дальнейшем, но пока время моей форы весьма ограничено. И чтобы успешно построить свою новую жизнь я дол-

жен оказаться в нужное время в нужном месте. Освоить нужные навыки, получить необходимый статус и встретиться с полезными людьми.

Впереди – Перестройка. Будет зарождаться новое гражданское общество, строятся новые экономические отношения. Кто расторопнее вольется в струю зарождающегося капитализма, тот и станет будущим хозяином жизни. Впереди – бурлящая Москва. Новые политики, реформаторы, журналисты. Всевозможные Собчаки, Чубайсы, Листьевы. Они – будущие постсоветские капиталисты и держатели славы. В их среду надо стремиться. Вот почему для дальнейшей жизни я выбрал Москву. Но чтобы приблизиться к ним, нужен соответствующий статус. Выпускник МГУ – самое то. Ну а специализация в экономике, думаю, будет самая востребованная в то время. Чем я не будущий экономист-реформатор?

И откуда нашему уважаемому куратору было знать, что уже лет через десять ни выдающийся ученый, ни хороший врач, ни талантливый инженер уже не будут в нашей стране пользоваться даже сколь значительной популярностью. Да и далеко не факт, чтобы я вообще стал кем-то выдающимся. В прошлой жизни я всегда был способным во многих начинаниях, но талантом и тем более гением уж вряд ли.

Кстати, предпочтение в получении экономического образования отдал я не сразу. Одновременно я обдумывал перспективу предаться стезе компьютерных технологий или журналистике. Поясняю.

Кто считался в моей «прошлой» жизни самым богатым человеком в мире? Бил Гейтс. Разработчик Виндос и Верда. Может на него следует равняться? Да и весь мир скоро перевернется на программировании, компьютерной технике и интернете, и ай-ти технологи станут самыми востребованными и высокооплачиваемыми специалистами. Вот только уровень специалиста меня не устраивал. Я хочу стать капиталистом, хозяином. И пусть на меня работают все эти гениальные технологи. Да и больших способностей я никогда к данной отрасли не проявлял. Я – закоренелый лузер. Правда в 78-м это слово еще никто не слышал. Его еще, наверное, тогда даже не придумали.

В журналистике у меня также был круг «кумиров», кто в перестроечные времена сделал себе стремительный взлет. Невзоров, Молчанов, Листьев. Последнего правда убили в 95-м, но в «лихие девяностые» жизнь успешных людей не много стоила. Но какая красочная жизнь у известных журналистов! Искрометные репортажи, обширные знакомства, красочные путешествия. Слава, известность, и, конечно же, завидные гонорары. Вот только с «музой» я никогда хорошо не дружил, да и самый значимый гонорар – практически ничто в сравнении с прибылями владельцев «заводов, портов, пароходов». Абромовович, Ходорковский или Безеревский – вот «саме то». Только, чтобы не последовать судьбе последних двух, с властями ни в коем случае нельзя ссориться. Зарываться, так сказать.

Итак, я выбрал экономику. И свое желание посвятить себя именно этому профилю я все-таки отстоял, хотя и использовал для этого совсем другие аргументы. В моем распоряжении осталось полгода, чтобы подготовиться к вступительным экзаменам в ВУЗе.

– Поблажек никаких не будет, – сразу предупредил меня куратор. – Не поступил – тут же вернулся за школьную парту. Только этого мы позволить себе не можем. Нам этого не простят. Для подготовки тебе назначим самых лучших преподавателей. Создадим все условия. Все в твоих руках, в общем.

Действительно на ближайшие полгода мне были созданы беспрецедентные условия – в общем, то к чему и стремился. Выдали талоны на питание в хорошей столовой, обеспечили всю семью дополнительными специфическими продуктами питания, типа шоколада, сгущенного молока и фруктов, матери установили специальную надбавку к должностному окладу. Репетиторов мне подобрали действительно первоклассных. С ними я совершенствовал свои навыки в математике, физике, истории и русском языке. Кроме того, по моей просьбе,

мне организовали интенсивные занятия по английскому и французскому, а также закрепили инструктора по общей физической подготовке. В здоровом теле – здоровый дух!

В июле я в сопровождении Петра Алексеевича был доставлен в Московский государственный университет имени Ломоносова, поселен в отдельную комнату студенческого общежития и вместе с другими абитуриентами приступил к сдаче вступительных экзаменов. В итоге, сдал и поступил. Вот теперь уже я стал звездой. Посыпались сенсационные статьи, искрометные репортажи. «Комсомольская правда», «Московские новости», телевидение. Я в центре внимания, но никто и не догадывается, что я запланировано строю свою новую жизнь.

23 августа 1980г

Ровно через неделю заканчиваются мои каникулы, и я приступлю к занятиям на втором курсе. Думаю, стоит, пока есть свободное время, зафиксировать основные проблемы и достижения, которые я пережил, будучи на первом.

Первая проблема, которая возникла, как только я получил статус студента, отразилась в острой дискуссии по вопросу, какой у меня предполагается дальнейшая личная жизнь, и какими свободами я могу пользоваться.

– Я стал студентом, и поэтому вправе строить свою жизнь самостоятельно, как и другие студенты, – настаивал я.

– Студентом то ты стал, но тебе только одиннадцать, – парировали родители – ты должен находиться под постоянным присмотром взрослых.

Педагоги и прочие «официальные лица» пока держали паузу. В итоге окончательное решение, которое меня вполне удовлетворило, озвучил мой куратор Рыбаков:

– Свобода – это осознанная необходимость. Раз у нашего вундеркинда хватило способностей стать студентом московского вуза, то его же способности помогут наладить самостоятельную жизнь. Москва не Чикаго. Здесь опасностей нет. Пусть живет как все студенты. Мы же будем регулярно присматривать и проверять.

Меня поселили в студенческом общежитии, предоставив, правда, отдельную комнату, и сурово предупредили о правилах внутреннего распорядка и поведения, которые все обязаны выполнять: что и когда можно делать, а что никогда нельзя. Свободу передвижений пообещали не ограничивать, бюджет формировать самостоятельно, ну а запреты типа «не пить» и «не курить» меня касались, естественно, в первую очередь. В общем, кроме обязательных еженедельных встреч с куратором моя личная жизнь практически не должна была отличаться от жизни прочих студентов. Но вот тут то мой куратор слегка слукавил. Оказывается, он поручил наблюдать за мной коменданту нашего общежития Светлане Афанасьевна – полненькой женщине лет сорока пяти. Не знаю, какие конкретно обязанности относительно моей персоны ей были вменены, но это «присмотреть» вылилось в полную опеку надо мной. Прямо как за малолетним ребенком.

Светлана Афанасьевна была, если можно так выразиться, классической лимитчицей или в простонародье «лимитой». Кстати, я только сейчас выяснил для себя что же означают эти термины, столь часто звучащие ранее. Лимит прописки – это форма привлечения неквалифицированной рабочей силы на промышленные предприятия крупных городов и, прежде всего, Москвы. С помощью этого института власти пытались решить кадровые проблемы многих предприятий в недостатке неквалифицированной и малооплачиваемой рабочей силы и при этом избежать демографического взрыва. Перенаселения крупных городов, другими словами. При этом основным стимулом приезжих из глубинки «лимитчиков» выступала не зарплата, а возможность жить в городах с лучшими условиями снабжения, ну и перспектива постоянной прописки, естественно.

Но возвращаюсь опять к нашему коменданту и моих взаимоотношений с ней. Так вот, Светлана Афанасьевна приехала в Москву по этому самому лимиту прописки лет десять назад. Много лет за копейки работала разнорабочей на заводе бытовой химии. Обещали более престижную должность, обещали прописку, но ничего этого не выполнили. Так бы уже не молодая женщина и вернулась бы в свой Мухосранск, но подвернулась работа в студенческом общежитии. Здесь же ей выделили отдельную комнату и поручили управлять всем студенческим хозяйством. Светлана Афанасьевна была скурпулезным и очень ответственным работником, да и как человек вроде бы ничего, но вот ее опека мне была абсолютно ни к чему. Я с большим

трудом отстранился от забот своей собственной «вновь воскресшей» матери, а тут еще подчиняться постороннему человеку.

Несколько раз я пытался убедить Рыбакова в нецелесообразности дополнительного попечительства за моей важной персоной, но тот все переводил разговор в шутку, убеждая, что это временная мера. Но нет ничего более постоянного, чем временное, уж эту аксиому я прекрасно знал. Не поддавалась на мои уговоры, оставить меня в покое, и сама моя новая опекунша. Значит надо было решать проблему иным способом. И я ее решил, воспользовавшись так кстати подвернувшимся случаем.

Я сидел в комнате комендантши и лопал ее щи (женщина ко всему прочему приноровилась подкармливать меня домашней пищей собственного приготовления, и надо отдать ей должное очень вкусной). Сама Светлана Афанасьевна в это время моталась в хозяйственных заботах где-то по этажам. Вдруг за столом под ковриком я заметил уголок почтового конверта. Я отодвинул стол и приподнял коврик. Под ним оказалась целая переписка. Внимательно изучив ее, я понял, что кажется нашел способ, чем повлиять на свою опекуншу. Светлана Афанасьевна переписывалась с зеком, мотающим срок где-то в бескрайних просторах Сибири. У них явно завязывался роман, периодически встречались нежные фразы и строились планы на будущую совместную жизнь. Конечно, я не был уверен, но уж вряд ли такого рода связи поощрялись бы для московских лимитчиц, а тем более работающих при главном вузе страны.

Я дождался хозяйку, сообщил ей о своей находке и поинтересовался, а знает ли о ее переписке с рецидивистом администрация университета.

– Да, что за вопросы? Да как ты смел рыться в чужих вещах? Ты ведешь себя как последний негодяй – негодование Светланы Афанасьевны не было предела, но в то же время в голосе ощущались признаки стыда и страха.

– Светлана Афанасьевна, я прежде всего советский студент, – спокойно ответил я – и нас учат распознавать хорошее и плохое для социалистического образа жизни.

– Но я ведь не сделала ничего плохого. Это ведь моя личная жизнь, и никто не должен вмешиваться в нее, – стала оправдываться женщина едва сдерживая слезы.

– Да, Вы абсолютно правы. Точно так же, как и в мою. Поэтому давайте заключим соглашение. Вы прекращаете свою навязчивую опеку, а я умалчиваю о Вашей переписке. Идет?

– Но, что же я буду докладывать Петру Алексеевичу? – сдалась комендантша.

– Ну об этом мы будем с Вами договариваться перед каждой Вашей встречей с моим куратором. Уж поверьте, я придумаю, чтобы Ваш доклад выглядел правдоподобно.

Я победил. И в течение двух последующих недель все происходило по моему сценарию. Но Рыбаков оказался очень прозорливым человеком и довольно быстро заметил, что в процедуре присматривания за мной что-то не так.

– Так чем же ты взял верх над Светланой Афанасьевной? – как-то с усмешкой поинтересовался он, заканчивая нашу очередную, не относящуюся к этой теме, беседу.

Я, также усмехнувшись, выдержал его взгляд и многозначительно промолчал.

– Ну ладно. Раз ты сумел убедить такую строгую женщину в бесполезности дополнительного надзора за тобой, то я его снимаю. Не подведи меня.

На этот раз мой куратор свое обещание выполнил в полной точности.

Вторую проблему я осознал вскоре после начала занятий. Вуз, а тем более самый главный советский университет – это не общеобразовательная школа и учиться в нем, априори, никому нелегко. Мне же, как общепризнанному «гению» положено быть в успеваемости как минимум на голову выше других. Вот только гением ведь я- то не был, а разочаровывать других, пока не мог, поэтому пришлось сразу же с головой погрузиться в учебники и заниматься по двадцать четыре часа в сутки. Благо предметы на первом курсе были те, с которыми я уже встречался в «прошлой» жизни: физика, высшая математика, история КПСС, экономическая теория и др. С ними я более-менее справлялся и в общем неплохо.

Но вот ситуация с иностранными языками, а их в вузе изучалось одновременно два, у меня сложилась значительно хуже. Ну, вот сложно у меня всегда было с запоминанием информации, не поддающейся логике, а учитывая мой реальный возраст, этот процесс стал еще медлительней. И предыдущий год интенсивных занятий по французскому и английскому мало компенсировал мои пробелы в этих дисциплинах. Тем более, что практически все мои сокурсники изучали иностранные языки с шести-семи лет, причем на достаточно серьезном уровне. Их высокопоставленные родители, заранее зная, куда отправят учиться своих чад, не жалели денег на хороших репетиторов. В этом вопросе фора была не в мою пользу и отчаянной самоподготовкой проблему было не решить.

Не найдя другого выхода, я обратился к куратору с просьбой установить мне индивидуальный график и добавить дополнительные часы для изучения иностранных языков.

– Но как же так? – удивился Рыбаков – Выражая желание поступить в университет, ты заверял всех, что наделен блестящими способностями и прекрасно справишься с учебой. И тебе поверили. А теперь идешь на попятную. С запоминанием нелогичной информации у тебя, видите-ли проблемы. А завтра у тебя другие трудности обнаружатся.

– Петр Алексеевич, я прекрасно справлюсь с «языковой» проблемой и без Вашей помощи, – запальчиво возразил я – Я только считаю, что так будет лучше. Я не хочу плестись в хвосте. Что же касается моих способностей, то вы прекрасно знаете, что они не распространяются на музыку, изобразительное искусство и, частично, на изучение иностранных языков. Не зря же я Вас просил выделить мне хороших репетиторов еще в Донецке.

Последняя фраза не совсем соответствовала истине, но кто это уже может вспомнить.

– Да и об индивидуальном графике я прошу лишь на год. Дальше обещаю, что поблажки мне более не понадобятся, – добавил я

Куратор прислушался к моим доводам и сделал так, как я хотел. Забегая чуть вперед, скажу, что слово свое я также сдержал и в летнюю сессию сдал экзамены по иностранным языкам наравне со всеми, причем на «отлично».

Следующая проблема, которая потребовала решения – это мои коммуникации – пора завязывать с вынужденным одиночеством. Время заводить новых друзей-товарищей. Без них новую жизнь не построишь.

Студенческое братство приняло меня в свои ряды не сразу. Вначале мои однокурсники проявляли ко мне смешанное чувство любопытства и пренебрежения. Каждый стремился лично познакомиться с одиннадцатилетним вундеркиндом, убедиться в его способностях, затем, снисходительно похлопав по плечу со словами: «Молодец! Дерзай!», возвращаться к общению со своими сверстниками. Но студенты – не школьники. Пусть в них еще есть ребячество и юношеский максимализм, но они уже близки мне по уровню развития, а значит, более предсказуемы и понятны.

«Будь проще и люди к тебе потянутся» – часто в шутку, бросали мы друг другу эту фразу в моей «прошлой» студенческой жизни. И именно эту фразу я взял на вооружение в своей нынешней, тоже студенческой. И снисходительность, и пренебрежение ко мне вскоре улетучились. Я становился все более интересным для всех и отношением к учебе, и своим мировоззрением, и независимым поведением. Сдержанность, целеустремленность, остроумие и еще ряд подобных составляющих моей «простоты» произвели меня вскоре не только в выскочку-вундеркинда, но и в некоторой степени в студенческого лидера. А как вы хотели, мажоры, я в два раза вас старше и опытней!

К каждому из своих одноклассников я пытался подобрать индивидуальный подход, ну а поощрял к более близкому контакту примерно одной и той же артистически поставленной репликой:

– Спасибо, что ты именно ко мне обратился (ась) с этим вопросом (просьбой, предложением). Всегда буду рад тебе быть чем-либо полезен. Обращайся по любому поводу, –

далее следовала моя улыбка, полная радушия, а за ней ненавязчивые требования – Вот только, буду тебе очень признателен, если иногда перестанешь обращать внимание на мою детскую внешность. Уж поверь мне, пожалуйста, за моей личиной скрывается вполне взрослая натура. А не веришь – загляни мне в глаза!

И все заглядывали. Затем отводили глаза, не выдержав моего тяжелого, и уж никак не детского взгляда. И моя внешность переставала быть препятствием для наших отношений на равных.

Постепенно я также стал находить общий язык и с некоторыми университетскими преподавателями. Причем со многими из них мне было интересней общаться, чем с сокурсниками. Что, наверное, вполне логично – ведь у нас с ними более близкий возраст. Дружескими эти общения, конечно, назвать было трудно, но круг обсуждаемых вопросов выходил далеко за рамки изучаемых предметов. Большинству преподавателей, в отличие от студентов, хотелось не только убедиться в моих способностях, но и понять степень моего превосходства, причины и границы моих талантов. И я им в этом охотно помогал. Хотя иногда случались недоразумения и казусы. Одному из них хочу уделить пару строк.

Лекции по истории КПСС на нашем потоке читал достаточно молодой для своей должности доцент кафедры Павлюк Владимир Павлович. Достаточно крупный тридцати—тридцатипятилетний мужчина с характерным говором выходца из центральной Украины.

Свой курс он вычитывал из толстой пачки распечатанных листов, громким монотонным голосом. При этом иногда отвлекался, вставляя свои замечания по поводу поведения, быта и внешнего вида современных студентов, как например:

– Сейчас установилась нездоровая мода на штаны из хлопковой ткани синего цвета, которые называются «джинсы». В простонародье их называют также «джины». Многие из вас платят за эти штаны по 200—250 рублей. У меня нет возможности этому воспрепятствовать, но если кого увижу в «джинах» на своих занятиях, выгоню надолго, – в общем, на первый взгляд типичный партократ-лизоблюд.

Однажды, на лекции я попросил Павлюка уточнить отдельные тезисы Алексея Ивановича Рыкова на 15 съезде ВКПБ. Преподаватель в ответ предложил мне задержаться после пары. Разъяснения я получил, затем последовала дискуссия о НЭПе, коллективизации, индустриализации, а также о взглядах и ошибках по этим вопросам того или иного партийного лидера. Я не был спецом в истории КПСС, «плавал» во многих вопросах, да и сам этот предмет давно превратился в атавизм в моей «прошлой» жизни и не имел никаких перспектив в будущей. Поэтому дабы положить конец нашему диалогу, в котором я мог проявить себя не с лучшей стороны, я произнес не совсем уместную, но зато очень «патриотическую» фразу:

– Мне очень нравится один из постулатов нашего Вождя; «Практика – критерий истины». И раз мы под руководством Партии построили самое лучшее государство в мире— общество развитого социализма, то о каких недочетах и ошибках наших лидеров мы можем вести речь?

Павлюк несколько минут озадаченно смотрел на меня, затем с грустью произнес:

– Молодой человек, даже и не надейтесь, что высокопарные фразы и подхалимство принесут Вам в будущем успех, славу или какие-либо льготы. Это ошибочный путь. А достойное место в истории получают лишь люди с принципами. Будет очень прискорбно, если у Вас этих принципов не окажется.

Я был пристыжен. Моя тактика дала явный сбой. И с принципами, вернее с их отсутствием он оказался прав. Какие принципы, товарищ? Я нахожусь в ином, пока еще чуждом для меня мире и пытаюсь выжить. Тем не менее спустя пару дней я разыскал Павлюка на кафедре и выразил свои извинения, но уже «по-простому» :

– Прошу меня простить за недавнюю демонстрацию мною неуместного популизма. Принципы у меня есть, но если честно, я сильно ошибался в отношении Вас.

Владимир Павлович усмехнулся и протянул мне свою широкую ладонь.

Но первым из «взрослых» я нашел общий язык со своим куратором Рыбаковым. Как оказалось, Петр Алексеевич, по профессии был психиатром, окончил московский медицинский, защитил кандидатскую, затем докторскую, работал в ряде специализированных клиник, в том числе и закрытых, опубликовал множество научных монографий. Последние лет десять занимался детской психологией и психиатрией, добился успехов в педагогике, недавно стал членом специальной комиссии при министерстве образования СССР. Именно эта комиссия и прикрепила ко мне Рыбакова в качестве куратора-наставника. Еще, я стал догадываться, что услугами Петра Алексеевича часто пользовались определенные компетентные органы. Об этом он естественно прямо не говорил и состоял он в штате КГБ или нет, мне оставалось только гадать.

Тем не менее «каверзные» вопросы задавал он весьма профессионально, и мне требовалось немало осторожности, чтобы не засыпаться в ответах.

– Когда все-таки, ты понял, что обладаешь значительными способностями? Что тебя побудило быстро освоить весь школьный курс? Как ты осознал свою необычность? Каким видишь себя в будущем? – такие и подобные им вопросы стал задавать мне Рыбаков еще в Донецке. Причем задавал между делом, как бы вскользь. В Москве же, при наших частых встречах они звучали более прямолинейно.

Я каждый раз «включал дурака», пытаюсь отделаться общими фразами типа: «Не помню», «Как-то само вышло», «Хочу быть максимально полезен своей Родине» и при этом каждый раз натывался на недоверчивый взгляд куратора.

Однажды, после подобной очередной моей реплики Петр Алексеевич сделал откровенное замечание:

– Давай прекращать игру в кошки-мышки. Я прекрасно вижу, что ты что-то не договариваешь. Есть у тебя какая-то тайна, и она мне кажется очень интересной. Поступим так. Вопросы на эту тему я тебе больше задавать не буду. Пока. Захочешь – сам обо всем расскажешь. Это в твоих же интересах разобраться в истине.

Может он и прав, и я когда-нибудь захочу поведать ему «свою тайну». Может чуть позже. Ну а пока мы встречаемся с Рыбаковым каждую неделю – видимо, так ему поручили сверху. Обсуждаем мою учебу, мой досуг, дискусируем на всевозможные нейтральные темы. И, в общем, мой куратор вызывает у меня симпатию.

После непродолжительного адаптационного периода я зажил полноценной студенческой жизнью. Лекции, контрольные, зачеты. Московские достопримечательности, студенческие вечеринки, дискотеки. Да, дискотеки и вечеринки также стали частью моего времяпровождения. Что, нелепо себе представить танцующего в кругу со взрослыми дядями и тетями двенадцатилетнего мальчика? А сорокапятилетнего мужика с двадцатилетними парнями и девушками? Тоже не ахти. Тем не менее я заставил себя побороть стыд и неловкость и пренебречь, иногда возникающими насмешками со стороны «старших» товарищей. Я даже стал получать удовольствие от выполнения танцевальных упражнений под хиты «Абба», «БониМ» и Африк Симона. Ностальгия, ставшая явью, можно так обозначить мое душевное состояние при этом. Ну и мои сокурсники также вскоре перестали обращать внимание на возраст молодого танцора.

А еще я очень удивляю всех прекрасными познаниями «современной» эстрады. Ну откуда моим товарищам было знать, что пару последних лет моей той «прошлой» жизни я постоянно слушал музыкальный сайт «Радиопоток», а на нем, в том числе, были сгруппированы по годам лучшие шлягеры, начиная с двадцатых по мой «последний» тринадцатый. «Ностальгировал», так я выражался. И вот теперь я периодически засыпал вопросами-предложениями нашего бессменного ведущего студенческих дискотек, Илью Ташкевича:

– А, записи «Смоуки» у тебя есть? А «Чингис Хан» почему не ставишь? Милена Браун, думаю пришлась бы всем по вкусу.

И чаще всего Илья эти записи находил, и им действительно вскоре отдавало предпочтение студенческое общество. Иногда правда бывало, что Ташкевичу не удавалось разыскать популяризируемых мною исполнителей

– Похоже о таком никто не слышал. Ты не ошибся случайно в названии? – уточнял он.

– Возможно, – отвечал я, хотя прекрасно понимал, что ошибся я не в названии, а во времени. Ну не стал еще звездой тот или иной исполнитель.

Но особо я поразил нашего «ди-джея» (пишу в кавычках, так как тогда этот термин еще не употреблялся) группой «Машина времени»

– «Машина времени»? Да я слышал о такой группе, – удивленно ответил на мое предложение задействовать в вечеринках их песни – Но она любительская и не пользуется всеобщей популярностью.

– Ну их песню «Поворот», ты слушал?

И после его отрицательного жеста пропел, как мог, всю песню:

«Мы себе давали слово

Не сходить с пути прямого,

Но, так уж суждено...»

В той «прошлой» жизни мы «тащились» под этот шлягер в седьмом-восьмом классе, то есть в году 81—82. Но ведь он мог быть написан и ранее. И я не ошибся.

Спустя несколько недель меня разыскал Илья и возбужденным голосом обратился ко мне:

– Слушай, я нашел все-таки запись «Поворота». Через своих друзей рокеров. Это совсем новая песня. Но офигенно классная вещь. Но откуда ты ее выцепил?

Я лишь многозначительно развел руками. А еще через пару месяцев, в марте восьмидесятого, «Машина времени» выиграла рок фестиваль в Тбилиси и взлетела на вершину популярности. Об этом событии я «не помнил», просто так совпало. Теперь я в глазах Ильи стал просто волшебником.

– А, ты сам со своими уникальными способностями не сочиняешь музыку? – как-то поинтересовался он у меня.

– Та куда мне, – ответил я – Ты же знаешь, у меня ни слуха ни голоса. Да и музыкальными инструментами я никакими не владею.

Но тут у меня в голове пронеслась шальная мысль. Авантюрная идея, лучше выразиться.

– Хотя знаешь, звучит у меня в голове часто одна мелодия. Давай я тебе ее попробую напеть, а ты переложить ее на пианино.

Больше часа я пытался донести до своего старшего товарища мелодию песни «Октябрь и апрель» из репертуара «Расмус». Илья не имел музыкального образования, но на музыкальных инструментах он «лабал» достаточно профессионально. И у него в конце концов стало звучать нечто очень похожее на оригинал.

– И ты действительно сам сочинил эту мелодию? – на всякий случай уточнил он.

– Ну, если ты в ближайшие тридцать лет ее от кого ни-будь еще услышишь то первым бросишь в меня камень, – ответил я словами из популярного фильма. Как раз лет через тридцать и выйдет эта песни у популярной финской группы. Но об этом знаю лишь я

В течение нескольких последующих месяцев на каждой дискотеке звучал «медляк», представляющий собой фортепианную запись «сочиненной» мною мелодии. Опять же Илья Ташкевич постарался. И при этом каждый раз объявлялось имя автора музыки – мое имя. Так что моих общепризнанных талантов поприбавилось. Ну и славы, естественно. И на мой взгляд вполне заслуженной. Я всегда собран, уверен в себе и способен блеснуть эрудицией на любые темы. Я всегда готов внимательно выслушать товарища, дать полезный совет, помочь практическим действием. В общем, учитесь, студенты!

Еще я пользуюсь определенными привилегиями: та же отдельная комната, повышенная стипендия, бесплатное питание в студенческой столовой. Однако, эти привилегии ни у кого

не вызывают зависти или раздражения. Во-первых, абсолютно все признают, что я их заслужил в силу своей гениальности, а во-вторых, подавляющее большинство моих сокурсников сами обладают массой иных привилегий, будучи детьми государственной или партийной элиты. Уж в МГУ кого попало, не принимали. И я точно так же как и эти мажоры, стал иногда прогуливать лекции, ночами подгонять хвосты перед контрольными и резаться в преферанс по выходным.

Тем не менее, летнюю сессию, как и предыдущую, я сдал на «отлично». Приближались Московские олимпийские игры, и этим летом всех иногородних студентов постарались по максимуму выслать из столицы, без обязательных практик и отработок. Я также сразу после экзаменов поехал домой к родителям.

Но в Донецке я столкнулся с очередной своей проблемой – мой родной город теперь стал для меня чужим. Нет, он по-прежнему вызывал у меня теплые чувства от прогулок по знакомым улицам, шелеста листвы на деревьях в парках, благоуханья роз. Но у меня не было там ни единой души, с кем бы я, по крайней мере, мог нормально пообщаться. Даже родители стали раздражать меня своей чрезмерной заботой и меркантильностью. Я опять попал в вакуум, но заниматься самообразованием, как два года назад, у меня уже не было ни желания, ни сил.

Больше месяца я предавался безделью, не приносящему ни пользы, ни удовлетворения. По телеку смотреть было ничего, интересных книг под рукой практически не было, ну а о благах цивилизации, доступных мне в «прошлой» жизни я уже и думать забыл. Вот и бродил я практически все время по родным улицам, планировал, мечтал, вспоминал. При этом я периодически названивал Рыбакову с просьбой вытащить меня поскорее назад в Москву.

Кстати, думаю следует уделить пару строк моему отношению к этому городу. В своей «прошлой» жизни я никогда не бывал в Москве, поэтому сравнивать Москву «современную» и ту, в которую попал, возможности у меня не было. Эмоционально, я имею в виду. Из увиденного по телевизору за три десятка лет и прочитанного все и так знают, что изменения произошли колоссальные. Но речь не о них. Даже та, а вернее уже эта советская Москва произвела на меня сильное впечатление. Огромный город-муравейник, город-стройка. Возродились новые станции метро, гостиничные комплексы, жилые микрорайоны, не говоря уже о множестве спортивных объектов, готовящихся встретить спортсменов из всего мира. Ну а что не строилось, то реставрировалось. Собор Василия Блаженного, Царь-колокол, Арбат. Москва обновлялась. И была наполнена духом гордости и оптимизма. Даже я заразился им. Так и хотелось иногда произнести словами популярной песни:

И в отраженьи олимпийского парада
Веселый мячик солнца прыгнет в синеву
Добро пожаловать в Москву олимпиада!
Добро пожаловать в красавицу Москву!

Было много мест, куда можно пойти и потусить. Не развлекательные заведения, бесконечное множество которых я посещал в «прошлой» жизни и потому подустал от них. Более спокойные и чинные «тусовки». Большой, Таганка, всевозможные выставки и музеи. А чемпионат мира по хоккею чего стоил. Я побывал на нескольких матчах. Незабываемые зрелища. Да и мест, где можно было просто погулять и помечтать было бесчисленное множество.

Вечно спешащие москвичи. Везде возникающие очереди – постоянно где-нибудь «выбрасывали» дефицитные товары и продукты питания. Шумная суeta перед каждым праздником. Преступность в Москве, кстати, в связи с предстоящей олимпиадой упала до нуля. «Москва не Чикаго», – так мне когда-то заявил Рыбаков, и, по-видимому был прав. Правда я этот поступок на себе не проверял на неблагополучные окраины не ездил, да и за колбасой в очередях не стоял. Меня в студенческой столовой неплохо кормили.

Единственный минус состоял в том, что это уже была не моя эпоха. Я ведь уже привык к «капиталистическим» будням. Или «еще не моя». Наверное, и так и так правильно будет

сказать. Социалистический менталитет – это уже не мое. Совковое спокойствие, размеренная жизнь и «уверенность в будущем» Ну ничего. Не пройдет и десять лет, как это спокойствие и уверенность закончится. Москва забурлит уже по-настоящему. В предверье новой, уже моей эпохи. И я в это время буду в Москве. В нужном месте с нужными знакомствами.

Но возвращаюсь к своему непосредственному повествованию. Мой куратор все-таки отреагировал. Видимо понял мое душевное состояние. И вот пару недель назад я покинул Донецк и вернулся в родную «общагу», причем гораздо раньше своих сокурсников. Пока я по-прежнему один, но уже не чувствую себя одиноким. Совершенствуюсь в английском, упражняюсь в экономике, совершаю ежедневные пробежки. В общем, готовлюсь ко второму курсу. И параллельно строю новую жизнь. И пока меня этот процесс не разочаровывает.

10 ноября 1982 г

Сегодня я произнес свое первое публичное «пророчество». Большой студенческой компанией мы сидели в фойе общежития и пилились на «Лебединое озеро», транслируемое по всем трем каналам телевидения.

– Все правильно, – задумчиво произнес я – похоже, скончался наш дорогой Леонид Ильич. Следующим генсеком станет Юрий Владимирович Андропов, но и он руководить будет недолго, менее двух лет. Ну а впереди нас ждут большие перемены, очень большие.

Вообще то, свои прогнозы по той или иной ситуации, которые по большей части сбывались, в разговорах я озвучивал уже неоднократно. Война в Афганистане, новый виток гонки вооружений, бойкот олимпиады, конъюнктура рынка по нефти и газу и множество других тем для дискуссий подверглись моему анализу, на основании которого я делал правильные выводы. Во всяком случае, все так считали. Особенно всех впечатлило, когда я практически без ошибок «угадывал» результаты матчей недавнего чемпионата мира по футболу. Кто бы мог себе представить, что большинство этих матчей я просмотрел тридцать пять лет назад, отдыхая на Азовском море. Ну а за определение тройки призеров: Италия, Германия, Польша я даже солидный денежный спор выиграл, который сам же и предложил. Так что к моей удивительной прозорливости сокурсники уже привыкли. Но такие смелые выводы, как сегодня, я озвучил впервые, и реакция на них последовала достаточно бурная:

– Что за глупости? Да с чего ты взял? Какие у тебя основания?

Я попытался изложить свои «логические выводы»:

– Как бы нам этого не хотелось, но Леонид Ильич все же не бессмертен. И то, что мы сейчас видим по телеку, я не могу объяснить по иному, нежели началом траура по Брежневу. Концерт отменили ко дню милиции. Шок и молчание. Андропов мне кажется сейчас самой весомой и достойной кандидатурой на должность Генерального секретаря. Прагматичный, опытный, решительный, чекист одним словом. Вот только со здоровьем, я слышал не все хорошо у него. Может не выдержать чрезмерных нагрузок. Ну а насчет больших перемен мне мое чутье подсказывает. Где-то в подсознании варится какая-то информация, но пока схватить ее не могу, что бы словами выразить.

Такое объяснение мои сокурсники более- менее приняли и со словами «завтра посмотрим» стали расходиться по комнатам.

Вообще мой авторитет достаточно сильно поднялся за последнее время. И не только правильными прогнозами, безотказным участием в чужих проблемах и умными советами. Я всеми доступными средствами добивался этого авторитета. Тем более, что в реалии я был в два раза старше своих сокурсников и понимал, что собой представляет этот возрастной контингент. «Дети с большими яйцами» – так называл старшина солдат – срочников, когда я служил в армию в той жизни. Этим же эпитетом я наградил сейчас своих товарищей-студентов, про себя конечно. Тем не менее, опираясь на это изречение, я внимательно наблюдал за своими одноклассниками, прислушивался к разговорам, оценивал их сильные и слабые стороны и, в конце концов, научился манипулировать, или, по крайней мере, влиять на многих из них. Вот тут то и пригодились мне «психологические эксперименты» со своими бывшими одноклассниками. Ну почти пригодились. Старый воин – мудрый воин.

Я также стал быстро меняться физически. Набрал в росте и весе, обрел мужской тембр голоса, появились вторичные половые признаки, ну а первичные пришли в полное соответствие со взрослыми стандартами. Пусть я еще не достиг внешности двадцатилетних юношей, но и мальчиком я уже не выглядел. Мне кажется, в той своей прошлой жизни я развивался значительно медленнее. Да и мое мужское достоинство, стало на три сантиметра длиннее, чем тридцать пять лет назад, это я определил недавно с помощью линейки.

Вот только последнее время меня все чаще стало одолевать чувство неудовлетворенности. Неполноценно я живу, хоть и прекрасно понимаю, что это временное и заранее запланированное явление. Но тем не менее хандра иногда стала накатывать. Вот уже три года я учусь в лучшем вузе страны, пользуюсь всевозможными льготами и привилегиями, живу полноценной студенческой жизнью, «зажигаю» можно сказать, но не то все это. Этот этап уже был мною когда-то пройден, хотя и не на таком высоком уровне. От Москвы я уже перестал «тащиться». Не моя она пока. Ждать и ждать мне в ней еще своего часа. Театры, кино, музеи уже не доставляют мне большого удовольствия. Не в них же смысл жизни.

Два лета подряд езжу отдыхать в студенческий лагерь в Туапсе на Черном море. В общем мой любимый отдых: море. Солнце и песок. Но описывать подробности не вижу смысла. Уж очень еще далеко от совершенства это времяпровождения. Да и студенческая компания поднадоела. Тоже, если разобраться, не мой жизненный контингент. Даже интимных приключений со мной там не происходит. Что в общем-то вполне естественно. Не дорос еще.

Хотя, чего мне действительно, не достает, а в последнее время, значительно остро, так это здорового секса. Сколько я им не занимался? Почти пять лет. И это при том, что последние двадцать лет моей «прошлой» жизни, секс был у меня регулярный, разнообразный и качественный. Вам, студенты в пуританском советском обществе, такой и не снился. Но сейчас у меня бывает «сносит крышу». Благо у меня есть отдельная комната, где я могу иногда заняться маструбацией. Я в отличие от вас знаю, что онанизм – это не болезнь, а один из типов сексуального поведения, способ сексуальной разгрузки, так сказать.

Вообще-то, я пользуюсь некоторой популярностью у прекрасной половины. Я симпатичен, раскован, умен. Я не комплекую, общаясь с женщинами любого возраста. Всегда могу пошутить, «построить глазки». Но моя кажущаяся половая незрелость подсознательно отталкивает прекрасную половину от более близких отношений. Вот так сидишь, бывает на лекции, и пожираешь глазами еще вполне молодую преподавательницу, представляя какая, она горячая штучка в постели, пытаешься заигрывать с ней, а в результате натыкаешься на суровый взгляд осуждения. И со студентками примерно также. «Дружить» со мной никто не отказывается, а вот лечь в постель. Ну ничего, мне сейчас четырнадцать, хоть и выгляжу на шестнадцать. А через годик я буду выглядеть на все восемнадцать. Вот тогда то я смогу полностью удовлетворить свое либидо. А вообще в новой жизни у меня должно быть не менее сотни женщин – такую я дал себе установку.

Но обладание женщинами – это не самое важное стремление. Более важно обрести славу, свободу и благополучие. Но моя фора, как я и предвидел, стала стремительно сокращаться. Я по-прежнему успешно «грыз» науку, хорошо сдавал экзамены и зачеты, но давалось мне это со значительным напрягом, и лучше всех своих одноклассников я уже не был. А предметы все усложнялись, становились более громоздкими и не всегда понятными, а по иным и откровенно плавал. Какой уж тут вундеркинд? И то что мне из-за этого обстоятельства приходится пахать как папе Карлу, также не прибавляет мне положительных эмоций.

Да и судьбоносных знакомств я так и не обрел, хоть и вел довольно общительную жизнь. Где же вы будущие реформаторы команды Ельцина, популярные политики «нового мышления» или блестящие журналисты? Более двадцати имен известных людей, потенциальных моих «трамплинов», хранила моя память, вот только подробную биографию их я не знал. Всеобщую известность они приобретут лет через пять, не ранее, но тогда уже мне будет до них не добраться. А где они и чем занимаются в конце 82-го, я не выяснил. Жаль, что у меня нет интернета. Впрочем, его ни у кого пока нет.

Хотя с другой стороны, ну вот выясню я самыми непонятными путями где сейчас находятся те же много упоминаемые мною Чубайсы, Ходорковские, Абрамовичи или комсомольцы из будущей программы «Взгляд». Ну а дальше что? «Забью стрелку», представлюсь таким молодым дарованием и свои услуги предложу? А в чем именно? Чем я сейчас кому-либо из них

могу быть полезен? Напророчествую что скоро они «жар-птицу поймают» или признаюсь, что я будущее могу предвидеть, совсем не социалистическое? Смешно. Нужен хороший план действий в таком случае. Не просто хороший – идеальный. Алгоритм действий, правильнее выразиться.

А вот наши будущие два президента Ельцин и Путин уже вряд ли доступны для моего «визита». Первый сейчас большая шишка – Свердловский обком партии возглавляет. К нему мне и на прием не пробиться. Ну а Владимир Владимирович скорее всего где-то в рядах КГБ «отжимается», то ли в разведке, то ли в контрразведке. Так же не достать.

Кстати, мне пришел на ум еще один путь к достижению цели. Надо обратить внимание на некоторых своих сокурсников и преподавателей, ведь многие из них в силу своего настоящего статуса, в обозримом будущем станут государственными чиновниками или крупными бизнесменами. Ну а плотные связи с подобными знаменитостями – это тоже неплохой трамплин для личной карьеры. Опять же плохо, что без интернета легко не разберешься, кто есть кто, а тем более кто кем будет. Но я всегда старался быть внимательным ко всему, из всевозможных разговоров собирал и анализировал различную информацию и, по крайней мере, три кандидатуры на данный момент я, все же, наметил.

Первым в моем списке оказался мой одноклассник Андрей Лубий, довольно крупный парень с грубыми чертами лица, напоминающий такого вышибалу из американских вестернов. Но, несмотря на свою внешность, Андрей по жизни был тихим, скромным и даже застенчивым молодым человеком. А еще он очень робел перед прекрасным полом, чем собственно и попал под мое влияние. Мне же Лубий казался полезным из-за его отца. Константин Васильевич Лубий уже много лет занимал пост директора Челябинского трубопрокатного комбината – одного из крупнейших промышленных предприятий Советского Союза. Раз он много лет директор, то после Перестройки и Приватизации имеет наибольший шанс стать одним из собственников этого предприятия, а значит крупным капиталистом – такова была моя логика.

Однажды на студенческой дискотеке я подошел к стоящему у стенки с безразличным видом Лубию и со свойственной мной простотой затронул довольно щекотливую для него тему:

– Андрей, ты прости меня за то, что лезу не в свое дело, но с таким выражением лица ты девушку не снимешь. Можешь прямо сейчас дать мне по морде за неприятные слова.

Мой сокурсник только удивленно посмотрел на меня, и я продолжил:

– Вот ты сейчас создал для себя такой образ скупающего высокомерного повесы и ждешь, когда кто-нибудь заинтересуется тобой. При этом периодически исподтишка бросаешь взгляды в сторону той симпатичной высокой девушки со смежной группы. Ждешь, когда же она обратит на тебя внимание. Не обратит. Как и никто другая. Девушки любят внимание, а ты, извини, не Ален Делон. Пойдем, я устрою сейчас тесное знакомство с твоей избранницей.

И я потащил растерянного товарища в другую сторону танцевального зала. Будь я ровесником, может быть и вправду Лубий накостылял бы мне за такие откровения. Но ведь младших бить непристойно, поэтому он повелся на мое предложение.

– Извините, пожалуйста, Вас, по-моему, зовут Татьяна, – обратился я уже к той девушке – Я со своим другом Андреем затеяли спор, кто первый осмелится заговорить с Вами. Спор то я выиграл, а вот на сердце, к сожалению, пока претендовать не могу – ростом не вышел. Поэтому можно я пока Андрея оставлю присмотреть за Вами, а я пока пойду, подросту чуть-чуть.

Оба от моей шутки весело рассмеялись и уже без меня продолжили вполне раскованное общение. Так мы с Лубием стали близкими товарищами и соседями по «студенческой скамье». Вдобавок, несмотря на свой «юный» возраст, я умудрился стать для Андрея своего рода наставником в интимных вопросах: ставил характеристику той или иной особе, давал определенные советы, ну и терпеливо выслушивал его откровенные переживания.

Следующим, вернее следующей в моем списке числилась моя одноклассница Елена Бойцова – дочь Андрея Ивановича Бойцова, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, члена Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР. В общем крупного партийного лидера. А еще выяснилось, что Андрей Иванович является близким соратником Михаила Сергеевича Горбачева. Ну, просто замечательный кандидат.

Сама же Елена представляла собой острую на язык, уверенную в себя, жизнерадостную красавицу. Стройная, черноволосая девушка с изумительной красоты зелеными глазами. Неудивительно, что на нее заглядывалась практически вся мужская половина нашего факультета. Не только заглядывались, многие влюблялись, сходили с ума, дарили цветы, подарки или просто ходили табуном. А вот для меня Елена была лишь объектом наблюдений, уж я-то красавиц на своем веку повидал. Я не робел, за словами в карман не лез и также был уверен в себе. Ну а чтобы сблизиться с ней ждал лишь удобного случая, ну а случай представился очень скоро.

Как то после занятий я издали наблюдал за картиной, как Елена Бойцова возле учебного корпуса отбивается от одного из своих многочисленных почитателей. Назойливый ухажер представлял собой внешне довольно симпатичного, но при этом наглого и самовлюбленного мажора. Такого типичного представителя разнузданных сынков партийных боссов. Молодой человек, неприятно ухмыляясь, в чем то пытался убедить или уговорить свою собеседницу, та же довольно эмоционально выражала отказ. Видимо не добившись своего ухажер-неудачник прекратил свои попытки и быстрым шагом удалился. Елена же еще некоторое время оставалась стоять у корпуса. При этом на ее лице легко можно было прочесть ожидаемую мысль: «Как же вы мне все надоели с вашими приставаниями!». Я быстро подошел к Бойцовой и с извиняющей улыбкой произнес:

– Как же все-таки хорошо, что я еще малолетка!

Девушка недоуменно посмотрела на меня, ожидая пояснений.

– Да вот был бы я года на три-четыре старше и уж точно бы пристал к неисчислимому стаду твоих пылких поклонников. Так же как и они бегал бы за тобой, объяснялся в любви, посвящал стихи. Потом, не дождавшись взаимности, скорее всего, выбросился бы из окна этого корпуса.

Елена, рассмеявшись, ответила:

– Да, наверное, тебе повезло. Хотя, а вдруг бы я ответила взаимностью?

– Вряд ли. И я б не стал рисковать. Ведь сейчас у меня шансов пригласить тебя куда-нибудь гораздо больше, чем в моем предполагаемом, более старшем возрасте.

– Это почему же?

– А, я на свидании с тобой не буду занудничать, вешать лапшу насчет своей неопишуемой страсти и делать непристойные предложения, в конце концов.

– Пожалуй ты прав, – согласилась Елена Прекрасная и взяла меня под руку.

А уже на следующий день я пригласил прекрасную сокурсницу в Большой театр на «Кармель». В театре я блистал остроумием, демонстрировал свою эрудицию, рассказывал всякие истории, а под конец признался, что вообще не являюсь поклонником сцены, а предпочитаю голливудский кинематограф. Елену моя «меркантильность» вовсе не удивила, слово «Голливуд» также для нее было не новым и ее ответное признание в недопонимании «высокого» не заставило себя долго ждать. Так мы быстро стали друзьями и довольно часто общаться. Правда, без интима. Я очень надеюсь, что пока. Сейчас чуть еще «подрасту» и обязательно покувыркаюсь с Еленой Прекрасной.

Ну а третьим кандидатом в «трамплины» у меня числился профессор МГУ, доктор экономических наук Горовой Александр Александрович. У нас он читал дисциплину «Денежное обращение и валютные операции капиталистических стран». Вот «Сан Саныч» был действительно гений. Лекции читал, не заглядывая в тетрадь, интересно и понятно. Обладал феноменальной памятью, в уме производил сложные математические расчеты, быстро отвечал на все

вопросы. Ну и как член-корреспондент академии наук, часто ездил в заграничные командировки, в том числе не только в страны социалистического лагеря. Учитывая его специальность, а также еще не старый возраст – лет пятьдесят – пятьдесят пять, Горовой вполне мог стать видной фигурой в после перестроечные времена.

Вот при нахождении «общего языка» с Горовым у меня случилась осечка, очередной конфуз. В нашей группе Сан Саныч, как его естественно называли студенты, вел как лекции, так и проработки, и на последних практически постоянно устраивались дебаты по тому или иному аспекту валютных операций. Уж с валютными операциями я был очень хорошо знаком в той прошлой жизни, причем на практике, потому зачастую инициатором дебатов выступал сам. И чтобы выделиться, и чтобы еще раз показать свою эрудированность и прозорливость. И вот однажды при обсуждении вопросов области применения ЭКЮ в Европейском Экономическом Пространстве, я остался с наедине с преподавателем.

Основные аспекты обговорили, и далее я решил блеснуть своим «пророчеством», в том, что не пройдет и двадцати лет как ЭКЮ заменит полноправная единая европейская валюта. Горовой мне возразил, что это маловероятно, так как часть стран Европы находятся в социалистическом лагере, а те, что в Экономическом Пространстве в свою очередь переживают значительные политические разногласия. Мой «прогноз» пошел далее и я произнес:

– А Вы не допускаете, что в скором времени, может не остаться в Европе стран социалистического лагеря.

Это было очень смелое, можно сказать, безрассудное высказывание. Но я знал Сан Саныча как очень прозорливого специалиста, прекрасно осведомленного о глобальных проблемах переживаемых социалистическим сообществом. И моя реплика могла поспособствовать нашему «сближению». Однако его ответ меня поразил.

– Молодой человек, уж не провоцируете ли Вы меня? – после длительной паузы гневно произнес Горовой – На своих лекциях я явно такого не читал. И ваши постоянные каверзные вопросы и высказывания наводят меня на определенные мысли. Если, Вы что-то коварное задумали, то не надейтесь. Я, прежде всего, коммунист. И убежден, в перспективах нашего социалистического строительства.

Позднее я узнал, что у Горового несколько раз были серьезные проблемы, связанные с его взглядами и высказываниями. Его даже чуть было из партии не исключили, а это наказание означало конец всему: научной работе, преподаванию, командировкам. Поэтому в последнее время он очень настороженно относился к необычным беседам и сам был очень осторожен в словах. Так что для плодотворного общения с кандидатом номер три надо более основательно подготовиться.

А еще меня очень часто подмывает мысль, а не воспользоваться ли мне в качестве трамплина связями моего куратора? В этом контексте я обозначил Рыбакова как кандидатура номер ноль, ведь я с ним начал общаться раньше всех. Вот только для этого мне придется рассказать Петру Алексеевичу всю свою ситуацию, включая вопросы и предположения. Излить душу, так сказать. Очень рискованно, да и не приверженец я откровений. Сам справлюсь.

Да и вообще пора заканчивать игру в бесшабашного студента. Оказаться в нужное время в нужном месте – это еще мало для запланированного успеха. Необходимо еще обрести соответствующее состояние – статус, навыки, признание или что-то еще. В общем, тихую жизнь пора заканчивать. И может пора начинать более смело доставать мои козыри из рукава, демонстрируя свою уникальность в предвидение дальнейших событий? Надо же чем-то привлекать внимание своих будущих «соратников». Если не я их, то может сами меня они найдут?

12 марта 1986 г.

Мое «тихе життя» очень скоро закончилось, причем не совсем по моей инициативе. Дальнейшие события стали развиваться столь стремительно, что я не всегда успевал их хорошо осмысливать и, соответственно, адекватно реагировать. У меня даже не было времени фиксировать эти события в свой дневник. А позднее саму мою черную тетрадь пришлось подальше спрятать, дабы мои записи не стали достоянием определенных органов. Но самое печальное заключалось в том, что «новая» жизнь стала складываться совсем не по тому сценарию, который я наметил.

Только сейчас у меня появилось достаточно времени, чтобы осмыслить свои последние проблемы и достижения, откорректировать планы на будущее ну и вспомнить и постараться изложить на бумаге те события, которые произошли за последние три с лишним года. Не запутаться бы только.

Первой хорошей встряской для меня послужил очередной визит моего куратора. Это было в начале декабря 1982. Всегда уравновешенный и спокойный Петр Алексеевич на этот раз пришел, каким-то взвинченным и недовольным.

– Вот уже три с половиной года ты проходишь обучение в самом лучшем вузе нашей страны, – без всяких вступлений, довольно эмоционально начал он свою речь. – Учишься именно там, где пожелал, пользуешься всякими льготами, в свободе ничем не ограничен. Я на рожон лезу, чтобы добиться для тебя всего, что пожелаешь. Вот только успехи твои с каждым днем все убывают.

– Петр Алексеевич, я же нормально учусь, сдаю все сессии, – пытался оправдаться я, хотя прекрасно понимал правоту Рыбакова. – Да и мне ведь четырнадцать всего.

– Ух, ты! Ты уже стал за свой реальный возраст упоминать. А то все: я взрослый, я гений, я вундеркинд. По хитрожопости своей ты вундеркинд, а в остальном уже я сомневаюсь, – Рыбаков явно стал распалиться. – Еще по всяким козням и вранью гений. Давно с тобой начистоту поговорить хотелось.

После непродолжительной паузы, чуть успокоившись, куратор присел у моего письменного стола и более спокойным голосом продолжил:

– Первое, что меня, и, к сожалению, не только меня, перестало устраивать это результаты твоей учебы. По многим предметам тебе четверки ставят лишь из-за твоего возраста. Куда же подевались твои таланты? А еще вдобавок лекции стал прогуливать, спиртное, бывает, употребляешь, способности к покеру недавно проявил.

(Действительно, этим летом, на производственной практике, я научил своих одноклассников техасскому покеру, навыками которого я хорошо овладел еще в прошлой своей жизни. Эта карточная игра вскоре пришлась всем по вкусу, вытеснив из нашей среды преферанс, «очко» и «трыньку». Оказывается, моя инициатива не осталось без внимания.)

– Популяризация чуждых нашему обществу забав это называется. Добавим еще абсолютно беспочвенные предположения, непонятные высказывания. Откуда взялся твой бред насчет здоровья Юрия Владимировича? Или, к примеру, последние твои потуги, насчет трудовой дисциплины. Откуда это все?

(С неделю назад, я студентам и преподавателям активно стал навязывать диалог о необходимости укрепления трудовой дисциплины во всех сферах нашего социалистического общества. Именно укрепление трудовой дисциплины скорым временем станет первым, а возможно единственным начинанием нового Генерального секретаря. Уж это я отлично помнил и потому решил «побежать впереди паровоза», очередной раз, демонстрируя свою прозорливость. Но, как же быстро мой ход стал известен кураторам).

– Это то, что происходит с тобой сегодня, но еще более непонятно, что ждет тебя завтра. Ну, вот закончишь ты через полтора года экономический факультет. Дальше что? На каком участке народного хозяйства ты понадобишься в свои шестнадцать лет, пусть даже и с дипломом? Убитое время и силы. Этого-то ты понимаешь?

Все это я понимал, только немного по-другому, чем Рыбаков. Уж работать в «народном хозяйстве» я не собирался. Вот в чем был прав мой куратор, что в шестнадцать лет карьеры я не сделаю, и пару лет, хотя бы до начала Перестройки, надо бы где-то пересидеть.

– Петр Алексеевич, действительно оказалось, что в моих талантах, как вы говорите есть предел, – теперь своим объяснениям я предал более убедительный характер – И я оказался обыкновенным человеком, с присущим молодому возрасту недостаткам. Но я действительно стараюсь, много читаю, анализирую. Поэтому и генерирую, как вы говорите, высказывания и предположения. А насчет своего ближайшего будущего я также очень сильно переживаю. Может, Вы что посоветуете?

Тон Петра Алексеевича значительно смягчился:

– Да. Заварили мы кашу. Вот пошел бы ты учиться на физика-химика или биолога, окончил бы вуз и устроили б тебя, по крайней мере, лаборантом в каком-нибудь научно-исследовательском институте. Глядишь и ученым стал бы. А вот с экономическим образованием – тупик. Хотя и на твоём факультете аспирантура и научная деятельность есть. Вот только туда не всех отличников даже берут. Не знаю, попробую поговорить.

Далее чуть подумав, Рыбаков добавил:

– Вот только какое-то время к тебе я приходить не буду. В длительную командировку уезжаю. На мое отсутствие тебе другого куратора прикрепят. Исправляйся пока и думай. И самое главное – не болтай лишнего. Если ты думаешь, что твои высказывания дальше не передаются, то очень ошибаешься. Не я один за тобой слежу. И очень мне не хочется, чтобы новый куратор был прикреплен к тебе из иного ведомства. Думаю, догадываешься из какого.

Последние слова куратора меня не очень удивили, но все равно, стало неприятно Больше я Рыбакова не видел, а учитывая мои ближайшие перспективы отъезда, может, и не увижу вовсе. Но идея с аспирантурой мне понравилась. Решил заняться ею, причем в самое ближайшее время.

Вот только в самое ближайшее не получилось. Спустя несколько дней после разговора с Рыбаковым пришла телеграмма из Донецка: попала в больницу моя мать. Пришлось мне срочно брать билет на поезд, на самолет меня одного, еще естественно не пускали, и мчаться в родной город.

Вообще то, в той моей «прошлой» жизни я не помню, чтобы мама в 80-е чем-то серьезным болела. Вполне вероятно, что меняя свой жизненный путь, я меняю судьбу и иных людей, которые со мной сталкиваются. «Эффект бабочки» – позднее станет модным эпитет на этот счет. Кстати, забегая вперед, хочу отметить еще одно событие, вернее его отсутствие. В мае 83-го мои родители должны были получить квартиру в новострое, ту в которой я прожил основную часть той моей жизни, сначала с ними, затем уже со своей семьей. Мой прошлый родной дом. Этого не произошло. Что же случилось? «Эффект бабочки» или что-то иное? А может я все-таки научился, каким-то непостижимым образом предугадывать многие события будущего, но сам в этом будущем никогда не бывал? Похоже, я отвлекся.

Когда я приехал в Донецк, оказалось, что ничего страшного не произошло. У мамы случился банальный гипертонический криз, вызванная скорая для подстраховки ее забрала в больницу, но скоро маму должны будут выписать. Фальшстарт, в общем. Я настоял, чтобы маме еще и проверили почки, раз она и так в больнице. К моему мнению стали уже прислушиваться и необходимые исследования провели. Мои предположения по поводу поликистоза не оправдались. Наверное, еще срок обострения болезни не пришел. На этом мой сыновий долг был исполнен, и я мог возвращаться домой. В Москву.

Да, действительно Донецк перестал быть моим домом, и последний раз в родном городе я побывал после первого курса. Мои родители на это сильно обижались, но затем смирились, решив почаще проводить меня в Москве. Но их частые визиты теперь не устраивали меня. Вообще мое отношение к родителям становится достаточно холодным и отчужденным. Может я и неправ, но почему я должен терпеть их «понос» и «сопли». Хоть упрекайте меня, хоть взывайте к жалости и справедливости, но нет любви у меня к вам. Закончилась еще в той жизни. Сострадание тоже, мягко говоря, не зашкаливает.

– Со мной ничего плохого не случится. Я прекрасно знаю, что мне делать дальше, и ваши советы мне абсолютно бесполезны. Лучше не мешайте мне. Поживите, наконец, в свое удовольствие, ведь вы еще не стары, – часто я внушал свою позицию матери. Та на мои слова обижалась, пускала слезу, но я оставался непреклонен.

Вообще привязанности я не испытываю ни к кому. Да, я становлюсь закоренелым эгоистом. И в этом есть логика. Последнее время в отношении моего «перевоплощения» мне больше всего импонирует теория субъективного индивидуализма, а конкретнее, метафизический солипсизм, в котором реальным признается только мыслящий субъект, а всё остальное объявляется существующим лишь в его сознании. «Существую лишь я один», поэтому к чему я буду расплываться на такие ложные эмоции как забота, сострадание, участие. Эгоизм и эгоцентризм вот отправные точки моего благополучия. Но я опять отвлекся.

Мой новый куратор обозначился только в начале марта, когда уже всю бурлили занятия следующего семестра. Меня внезапно сорвали с лекции и пригласили в деканат. Вместе с деканом в кабинете находился высокий худощавый мужчина лет сорока. Короткие ярко рыжие волосы, такие же рыжие брови и ресницы, напоминающее суслика вытянутое лицо и абсолютно невыразительные светлые глаза. Так бы я попытался описывать его внешность. Строгий серый костюм, белая рубашка, узкий темный галстук. Во всем его строгом прикиде, как и в цепком взгляде легко угадывался комитетчик. Дородный Рыбаков одевался попроще, да и вел себя помягче.

– Сергей, позволь тебе представить твоего нового куратора, – сразу же обратился ко мне декан – Баханов Руслан Иванович. Прошу любить и жаловать.

«Суслик» только кивнул в ответ, жестом предлагая мне присесть. Я сел за длинный стол напротив нового куратора. Установилась пауза. Декан начал рыться в ящиках своего стола, вытащил какую-то папку и быстрым шагом покинул кабинет.

– Ну-с, давайте теперь знакомиться поближе, Сергей Викторович, – начал беседу Баханов – Я теперь буду посещать Вас вместо Андрея Петровича, наставляя на путь истинный, так сказать, ну и присматривать по необходимости. Ну что ж начнем беседу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.